

63.3(2-2СП8)

К 93

КУРОРТНЫЙ РАЙОН

Страницы истории

• Выпуск 8 •

63.3(2-2СП8)

К 93

КУРОРТНЫЙ РАЙОН

Страницы истории

Краеведческий
отдел

164831 / 2

ГБУК «ЦБС Курортного района»
Санкт-Петербурга

ОСТРОВ

Центральная библиотека им. М. Зощенко
Санкт-Петербург
ГБУК «ЦБС Курортного района»
Санкт-Петербурга
2013
197706, г. Сестрорецк,
ул. Токарева, д. 7, тел.: 434-71-57

УДК 908(470.23–25)
ББК 26.89(2–2Санкт-Петербург)
К 93

Курортный район. Страницы истории. Выпуск 8. – СПб.: ООО «ИТД «ОСТРОВ», 2013. – 112 с., илл.

Восьмой сборник статей, посвящённых истории Курортного района, продолжает тему сестрорецких династий и рассказывает также о малоизвестном в России полотне И.Е. Репина «Финские знаменитости»

ISBN 978-5-94500-83-4

На обложке:

1-я стр. *Утраченное ныне здание Санатория в Разливе. 2009 г.*

2-я стр. *Верх. Санаторий в Разливе. Вид с самолета. 2009 г.*

Фото П.С. Сапунова

Низ. Санатория в Разливе. Открытка из собрания С.В. Ренни

3-я стр. *Грамота В.И. Кутуевой*

4-я стр. *Картина И.Е. Репина «Финские знаменитости»*

©Авторы. 2013 г.

© Библиотека им М.М. Зощенко. 2013 г.

© ООО «Издательско-Торговый Дом
«ОСТРОВ». 2013 г.

ISBN 978-5-94500-83-4

Р.Н. ГАРАЕВА

ЗДРАВСТВУЙ, УТРО!

*Здравствуй, утро, новое утро,
Я жива, и свет не померк.
И травинки блестят перламутром,
Отражая ветра разбег.*

Лидия Селягина

В Разливе осень. Улицы и дома выкрашены во все цвета радуги, но преобладают желтые, оранжевые, бордовые с разными оттенками, а проглянет солнышко – и все засверкает, как золото. Шуршит это золото и под ногами. Тишина разрывается только редким гудком электрички, да шорохом автомобильных шин. Щебечут птицы – чайки и вороны здесь хозяева. Но юркие воробьи их не боятся. Хорошо, легко дышится. Постаревшие хозяева выходят во дворы размяться, погреться на солнышке, полюбоваться осенними георгинами, астрами, календулой.

Дома стареют, а с ними и хозяева. Но память не дает покоя. Вот куст сирени, посаженный ещё прадедушкой, а это старый чугунок, приспособленный под вазу для цветов, а это новая баня на месте старой, сгнившей. А вдали любимая сосна, под которой столько говорено, спето, заплакано. За сто лет она высоко поднялась в небо. Нужно хорошо запрокинуть голову, чтобы рассмотреть её верхушку.

Каждую весну в Разлив съезжаются все родственники, хотя бы на денёк. Посмотреть на родные лица, рассказать о всех событиях, хороших и печальных, порадоваться и похвастаться своими молодыми наследниками. Разлив всех принимает, а кто остался один – найдет друзей, соратников, соседей на летнем уличном празднике «Мой адрес – поселок Разлив». Именно

под таким названием проходил этот праздник с 2007 года на 2-й Поперечной улице в Разливе. Четыре раза встречались одноклассники, учителя, ближние и дальние родственники, ветераны Сестрорецкого инструментального завода, потомки мастеров Сестрорецкого оружейного завода, бывшие и современные дачники и просто еженедельные отдыхающие. Тот, кто побывал в Разливе, любит приезжать сюда и в началелета, когда улицы и дома благоухают сиренью, и летом, рассматривая дома с удивительной резьбой – экспонаты музея под открытым небом и уже редкие палисадники с георгинами местного сорта. По-прежнему греет разливский песок на пляже Белой горки. Здесь можно ещё покупаться, поиграть в волейбол или просто посидеть и посмотреть на озеро Разлив. Парус на нём сейчас редкость, а когда-то! Осенью становится уютно в Разливе. Дачники возвращаются в город, и жители любят красота Разлива в одиночестве.

О многом вспоминают разливчане на своих подворьях. Каждый год собираются они то во дворе Кондратьевых, то Александровых, то Какоулиных.

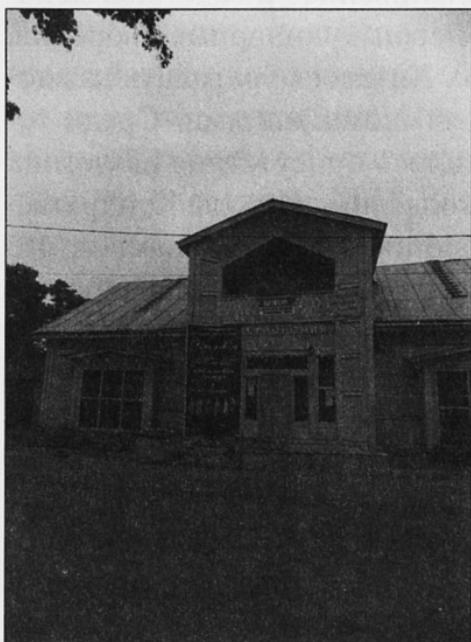
Хотелось бы и у других побывать, но уж так много наследников, что и свои еле помещаются. Тем не менее, «в тесноте, да не в обиде» проходят до сих пор эти заседания разливских краеведов. Без преувеличения могу сказать, что с момента создания нашего краеведческого клуба «Сестроречанин» многие потомственные разливчане стали восстанавливать свои родословные, продолжают и теперь поиски своих родных и редких семейных документов. Немало уже напечатано этих родословных, другие ждут своей очереди.

Одновременно в этих домах возникают домашние музеи. Так, постоянно, но по заявкам работает музей быта у Ирины Михайловны Александровой на Разливной набережной. Небольшой музей послевоенной жизни разливчан представлен в доме Какоулиных-Сайко. В резном доме Кондратьевых каждый год новая экспозиция, то «Из бабушкина комода», то «Ах, эти шляпки», то «Разливское дефиле», а то и музыкальный салон из редких записей XX века.

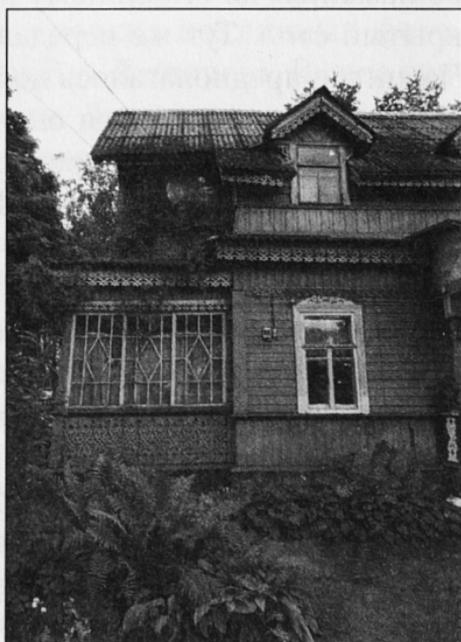
Вот и в этом году в один из дождливых дней августа к дому на 2-й Тарховской улице, известному как дом «Кондратьевых»,

*Старинная печь, изготовленная дедом
Ирины Михайловны Александровой. 2012 г.*

*«Деревяшка» – магазин на углу
2-й Тарховской и 2-й Поперечной.
2013 г.*

*Дом Кондратьевых
в Разливе.
2013 г.*

потихоньку тянулись люди – некоторые с палочками, бережно поддерживаемые молодыми родственниками, другие бодро шагали, неся объемные свертки с угощениями. На лицах были светлые улыбки и ожидания чуда-встречи «глаза в глаза» с ушедшей юностью, прожитой жизнью. Так уж получилось, что в этом году праздник в Разливе прошел в другом формате – с уклоном на детство и молодежь. А старожилам хочется неспешности, тишины. Весь год готовились. Еще раз перебирали заветные фотографии, старые чемоданы с бабушкиным наследством, залезали на чердаки, перетряхивая старую домашнюю утварь, внимательно осматривали уголки садов и огородов. И оказалось, что не все еще роздано, подарено или выброшено. Вот и спешили старожилы поселка Разлив поделиться своими находками. Глядишь, и память оживит «жизнь» этих предметов и документов.

Ольга Викторовна Забнева из рода Кондратьевых, радушно принимала гостей. Под звуки старинных романсов и песен начала XX века приглашенные степенно входили на веранду, обнимались, по старинному раскланивались и садились за накрытый стол. Тут же передавали свои кулинарные творения. Чаепитие предполагалось долгим. Хотелось услышать каждого и самому поделиться своими воспоминаниями. Среди гостей в этом 2013 году предполагалось присутствие 85-летних юбиляров: Авериной Ирины Николаевны из рода Кондратьевых, Дегтяревой Валентины Ильиничны из рода знаменитого оружейника В.А. Дегтярева и Краевой Тамары Владимировны из рода Комаровых. И они пришли.

Гостям некогда было скучать. Все стены веранды были завешаны фотоматериалами по истории поселка и заводчан. Вот родословная рода Устиновых на трех листах ватмана. Уже седьмое поколение смотрит на нас счастливыми глазами. А за плечами семьи Федорова Евгения Владимировича, известного в районе строителя, месяцы кропотливого поиска. Хозяйка дома, Ольга Викторовна, демонстрирует не только редкий альбом с фотографиями Николая Петровича Кондратьева, инженера-артиллериста, родившегося в семье Почетного гражданина Санкт-Петербургской губернии,

старшего мастера Сестрорецкого оружейного завода Петра Андреевича Кондратьева, но и удивительную, сохранившуюся коллекцию шляпок начала XX века, принадлежавшую красавице-бабушке. К всеобщей радости многие собравшиеся смогли поучаствовать в ретро-дефиле. Еще один кусочек прошедшей жизни оживал на глазах. А вот несколько альбомов, представленных родом Какоулиных-Сайко. На протяжении многих десятилетий в роду было много талантливых людей. И самодеятельных музыкантов, и солистов, и «рукастых» мастеров. Особенно славились женщины рода: и красотой, и мастерством. И Нина Васильевна Сайко убедительно продемонстрировала это. В одном из альбомов можно было увидеть многочисленные изделия, собственноручно сшитые и вышитые. Бережно хранятся они в семье. Ведь каждая вещь шилась и дарилась к определенному случаю. Когда появились дети и внуки, моделями Нины Васильевны стали куклы. Эти мини-модели демонстрируют костюмы всех эпох и народов.

Потомок рода Дегтяревых с Тарховской улицы, Елена Владимировна, показала альбом редких подлинных фотографий знаменитого оружейника В.А.Дегтярева. В свое время ее мать, Валентина Ильинична Дегтярева, представила часть подлинных фотографий в заводской музей через тогдашнего директора М.И. Васильева. Фотографии ей так и не вернули и судьба их неизвестна, как и части подлинных документов, переданных музею. Поэтому оставшиеся фотографии не выпускались из рук – ведь это последняя частичка «живой памяти» об ушедшей жизни. Удивила и на этот раз самая старшая из рода Малыгиных – Феофилактова Нина Ивановна, которая почти в 92 года прочитала стихи, посвященные разливским старожилам.

Напившись чаю, наговорившись, собравшиеся пошли смотреть музей под открытым небом во дворе Ирины Михайловны Александровой. Шли по 2-й Тарховской улице. Машин было немного. И, как в старину, шли посередине улицы. Кое-где стучали топоры. Идет стройка у новых хозяев, изредка тянуло запахом готовых шашлыков. Иногда

встречались поселковые жители, из молодых, на веселе. Явно приезжие. А старая гвардия поселка шла как хозяйева, где знакома каждая выбоина и поворот на дороге, и ей уступали дорогу дачники и редкие прохожие. А вот и скромный дом Леонтьевых. Большой дом продан в 30-х годах, но стоит по-прежнему на пригорке с подковой под коньком крыши. Во дворе гостей встречал удивительный цветник – особо буйно цветущие георгины, мальвы и бегонии. Вошедшие просто купались в буйстве красок. И началась экскурсия. На столе – старинные предметы для выпечки хлебных изделий – мраморная доска, скалка, мутовка, в другом углу – коллекция стеклянной посуды начала XX века, дальше – чугунные горшки разных размеров, топоры и другой сельскохозяйственный инвентарь. Вот бабушкин уголок – предметы для рукоделия. Позднее в доме была представлена коллекция сестрорецких кружевных изделий. Здесь же коллекция ретрообуви 1950–1960-х годов, рядом – сумки разных фасонов. Одним словом, молодежи есть, что посмотреть и узнать о прошлом быте, а старикам вспомнить и сравнить с современностью. Обсуждения были бурными и долгими. Потом допивали чай с удивительными разливскими пирогами с яблоками, медом, смородиной. Разошлись поздно. Когда еще, даст Бог, свидятся... Уходя, желали здоровья и новых встреч, благодарили гостеприимных хозяев.

В домашних музеях безвозмездно продолжается приемка старинных предметов домашнего хозяйства и быта всех периодов существования поселения Сестрорецк. Спешите принять участие в создании музея поселка Разлив. В поселке продолжают жить наследники славных сестрорецких оружейников, и пока будет сохраняться память, Сестрорецкий оружейный завод будет жить!

Здравствуй, утро! Мы еще живы!

P.S. Пока верстался выпуск, умерла потомственная заводчанка из рода Малыгиных – Феофилактова Нина Ивановна. Она успела рассказать нам о своих предках. Вечная ей память!

В.И. ЛОЗОВСКАЯ

ЖИЗНЬ В ПОГРАНИЧЬЕ

8 мая 2012 года Вере Ивановне Лозовской, в девичестве Кутуевой, исполнилось 90 лет. В этот день за праздничным столом собрались дети, внуки, правнуки, зятья и соратники по работе в Совете ветеранов г. Сестрорецка. Занятие общественной работой – это наследственная черта Кутуевых-Лозовских-Аракчеевых.

Руководитель краеведческого центра библиотеки им. М.М. Зощенко Р.Н. Гараева в июне 2010 года записала рассказ Веры Ивановны о жизни в Сестрорецке её родителей, одноклассников, сослуживцев мужа и родных. Надеемся, что читателей заинтересует жизнь простого библиотекаря, которая проходила в разных точках нашей необъятной страны, но каждый раз отсчет ее маршрутов начинался в родном Сестрорецке.

Р.Н. Гараева: Передо мной сидит Вера Ивановна Лозовская, в девичестве Кутуева. Вся жизнь ее связана с Сестрорецком. Небольшого роста, стройная, элегантная, с хорошей литературной речью. С удивлением узнаю, что скоро ей исполнится 90 лет. Несмотря на столь значительный возраст, прекрасная память не только на события, но и на имена. А за такую большую жизнь в Сестрорецке прошло много друзей и знакомых. Вот о некоторых из них и пойдет речь впереди.

Мы смотрим семейный альбом, которому более 100 лет. На фоне дома по ул. Воскова №1 сфотографирована семья Кутуевых.

В.И. Лозовская: Мы сначала жили на ул. Воскова, напротив клуба, дом № 4. Потом там разместилась библиотека. Она стояла у самой дороги. Это был дом П.А. Авенариуса, строителя Приморской железной дороги и Сестрорецкого курорта. Мой дедушка в начале 1900-х годов уже жил в Сестрорецке. Работал на Сестрорецком заводе. Перед революцией бабушка работала приходящей прислугой в доме Авенариуса. Когда Авенариус построил дом в

Семья Кутуевых в доме на ул. Воскова, 1

Тарховке, он жил здесь только летом, а когда родилась я в 1922 году, наша семья Кутуевых уже занимала в этом доме три комнаты и громадную террасу с разноцветными стеклами. В этом доме мы прожили до 1930 года. На мансарде второго этажа этого дома жило еще несколько жильцов. Там были печки, вероятно, до революции это были комнаты для прислуги. В доме был водопровод, теплый туалет – большая редкость в Сестрорецке.

Нам повезло, что мы жили в особенных домах, то в доме Авенариуса, то в доме пристава на Красногвардейской улице, дом № 16. Жена Авенариуса – Мария Николаевна, когда ее сослали, оставила нам все вещи. У нее был стол, который имел 24 ножки, стол раздвигался на 20 человек. Можно было отодвинуть половину стола. Когда нас переселили, мы взяли полстола. Я так жалею, что ничего не сохранилось до наших дней. Сейчас этот дом снесен.

Долгие годы в семье была удивительная горка (буфет) из дорогого дерева со стеклянными дверцами. Она стояла на лапах льва. Дочь не захотела сохранить эту старину и все выбросила. Потом я такую горку видела в книгах на иллюстрациях XVIII века.

*Семья Кутуевых
1921 г.*

*Вера и Владимир Кутуевы.
1929 г.*

Дом № 16 по Красногвардейской улице

До революции это был дом пристава. После революции, в 30-х годах, здесь жили четыре семьи. Наша семья занимала две комнаты – 26 и 14 кв.м и кухню. Все удобства тоже раньше были в доме, но после революции они вышли из строя. В новый дом взяли некоторые вещи из дома Авенариуса. Постепенно эти вещи пропали во время войны и позднее. Дом стоял там, где начинается ПТУ №120 со стороны здания Администрации района. Нас никогда не заливало водами Разлива во время половодья, заливало железнодорожную станцию и территорию, где стоит дом «На курьих ножках».

Мой отец, Кутуев Иван Васильевич, был кадровым военным, служил в 5-м Краснознаменном погранотряде г. Сестрорецка с 1918 года. Во время войны служил на Северном фронте, в Мурманске в 148-й Авиационной дивизии в должности интенданта 2-го ранга по апрель 1943 года.

Вернулся в Сестрорецк после войны, а погранотряд в это время расположился в Энсо.¹ Папа продолжал некоторое время работать в маневровой группе при погранотряде в Сестрорецке

*Кутуев Иван Васильевич,
1920 г.*

*Кутуев И.В. с сыном
Владимиром, 1940 г.*

¹Ныне Светогорск. Прим. ред.

НКВД. Заодно доставалось и пограничникам. А пограничники были как спасатели для Сестрорецка и других приграничных поселков. И фуражки у них были зеленые. Папа был беспартийным, к счастью, репрессии прошли мимо него стороной. Он был техником-интендантом, заведовал материальным складом, в том числе и оружием. Еще до войны получил Орден Ленина и Орден Красного знамени.

В начале войны в доме на Красногвардейской разместилась воинская часть. С улицы выселили всех жителей – граница была рядом. Так как первый этаж дома был каменным, военные решили устроить в нем ДОТ. Все окна дома заделали кирпичами. Красноармейцы хотели разобрать печку, но не смогли – кладка была сделана на яйцах. После войны, когда стали проводить газ на улице, строители не могли просверлить в стене дырку для трубы, такая была крепкая кладка.

В первые дни войны нас отправили в Лисий Нос. Мама осталась жить там, а я жила на улице Восстания у дяди, была там прописана, так как без прописки не выдавали продовольственные карточки. 8 мая 1941 года мне исполнилось 19 лет. До этого я проучилась в институте им. Бонч-Бруевича, но мне это не нравилось. Я была гуманитарием. И весной 1941 года подала документы в Театральный институт, а 22 июня началась война. Я сразу забрала документы и пошла в военкомат Куйбышевского района, чтобы меня взяли на фронт. А военком мне говорит: «Дочка, когда надо, мы тебя призовем». Тогда я пошла в Куйбышевскую больницу. Работала санитаркой, дружинницей до глубокой осени без всякой оплаты.

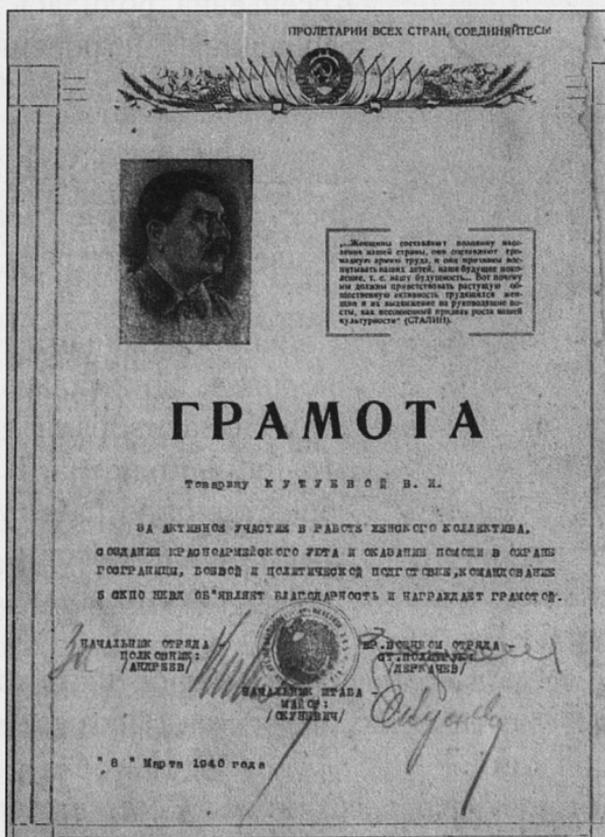
Мой ангел охранял меня. Вот два случая из моей жизни. Как-то рано утром я бежала на работу, началась бомбежка. В это время меня милиционер и загнал в подворотню. Кончилась тревога, я опять побежала. Когда подбежала к вестибюлю, то увидела прямое попадание в него, все дымилось и горело. Погибло много персонала – в то время встретились утренняя и вечерняя смены обслуживающего персонала Куйбышевской больницы.

Второй случай. Я шла пешком из Лисьего Носа в Ленинград. У меня было поручение от командира – навестить его семью с пайком, собранным всеми сослуживцами. Я зашла на

свою квартиру, потом отоварились и пошла на квартиру командира. Я дошла, нашла квартиру. Захожу и вижу: стоит старичок – 10-летний мальчик, а жена лежит. Была зима. То, что я увидела, страшно рассказывать и сейчас. Возвращаясь, увидела трамвай. В то время трамвай останавливался у каждого человека. Трамвай затормозил, я подбегаю к 1-му вагону, ставлю ногу на подножку, но внутренний голос говорит мне: «Не садись». Я разворачиваюсь и бегу 100 метров, а сзади хлопок – прямое попадание в вагон.

Потом меня послали работать на лесозаготовки. Рубили лес от Горской в сторону Выборгской железной дороги. Пилили, обрубали сучья, следующая бригада снимала кору, а другая – целлюлозу, которую добавляли в хлеб.

Вера Ивановна показывает грамоту за работу по заготовке дров в 1943 году.

Грамота В.И. Кутуевой

Моя мама – Кутуева Прасковья Арсеньевна, в девичестве Аракчеева. Бабушка по материнской линии говорила, что эту фамилию прадед получил от барыни за 20 палок. Его назначили надсмотрщиком на гумне. Крестьяне в одно время сделали перерыв. В это время пришла барыня и в наказание дала надсмотрщику 20 палок экзекуции. Когда после наказания дед поднялся, все увидели, что он стал седым. А барыня сказала: «Так ты вылитый граф Аракчеев!». С тех пор и появилась фамилия – Аракчеев.

Мама была одним из первых библиотекарей в Сестрорецке. В 1930-х годах до сноса часовни работала в книжном магазине, у часовенки. После окончания библиотечных курсов работала все 30-е годы в заводской библиотеке с Косыревой.

Из автобиографии Кутуевой П.А.:

«Я, Кутуева Прасковья Арсеньевна, родилась 27.10.1896. в г. Сестрорецке в семье фрезеровщика Сестрорецкого оружейного завода Аракчеева А.В. В семье было 8 детей. Я была самая старшая.

Окончила 3 класса начальной школы, в 1910 поступила работать в рукодельную мастерскую в качестве ученицы. Потом работала швейей в различных швейных мастерских до 1919 г. в Петербурге–Петрограде.

В 1919г. вышла замуж за военнотружущего Кутуева И.В. С 1925г. работала в Погранотряде, занималась общественной работой. В этом же году была избрана делегатом на конференцию Сестрорецкого Райисполкома. В течение нескольких лет выполняла общественную работу, работала в обществе «Друг детей», в торговой комиссии, в комиссии здравоохранения, в школьной комиссии. Была организатором кружков СВБ.

В 1935г. избиралась членом в Сестрорецкий городской Совет рабочих и крестьянских депутатов 14 созыва, была членом соцкультбытсекции.

В 1940 г. была избрана депутатом в Сестрорецкий городской совет депутатов трудящихся, а потом была депутатом городского Совета 2-го созыва (1947 г.) и 3-го созыва (1950 г.).

В начале ВОВ работала бригадиром на строительстве оборонных сооружений на Ржавой канаве около Сестрорецка. С ноября 1941 по февраль 1944 работала в в/ч Краснознаменного Балтийского Флота. Указом президиума Верховного Совета СССР в 1942 г. награждена медалью «За оборону Ленинграда», в 1945 г. награждена медалью «За трудовую доблесть в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», и «В память 250-летия г. Ленинграда» в 1953 г.

По окончанию войны муж некоторое время был на военной службе, а потом из-за болезни ушел на пенсию в звании майора».

Мама умерла в 1976 г., в 80 лет. На пенсию она ушла поздно, все время работала с детьми, но без оплаты. Поэтому в Сестрорецке ее многие знают. Она много спасла детских душ».

В.И. Лозовская: Во время войны мама была со мной с 1942 года, когда я решила, что нужно жить с мамой вместе – так легче выжить, и вернулась в Лисий Нос. Она уже лежала, но пограничники устроили ее работать на кухню, как жену пограничника. При этом спросили: «Какая у Вас семья?». Она ответила: «Взрослая дочь, живет в Ленинграде». Это означало, что продукты не будут пропадать. Я приходила к ней ночевать, чтобы хоть чем-нибудь подкормиться. Кухня находилась в летнем здании. Мы на горячую плиту клали матрасы, а утром вода была уже замерзшая в ведрах. Потом пристроили работать в часть и меня. После лесозаготовок, где я работала до этого, девчонки не могли рожать. Но наш врач придумал получать витамины из хвойных иголок. И каждый день давал нам отвар из сосновых и елочных иголок.

*Прасковья Арсеньевна
Кутузова в форме
пограничника. 1938 г.*

164831 / 2

Центральный архив
ГБУК «ЦЭС Курортного района»
Санкт-Петербурга
197706, г. Сестрорецк,
ул. Ткарева, д. 7, тел.: 434-71-57

*Сестрорецкое общество «Друг детей».
Руководитель – Григорьев. В верхнем ряду
в центре – П.А. Кутуева. 1920-е гг.*

Мы с мамой вернулись в Сестрорецк в 1944 г. в наш дом-ДОТ. Долго восстанавливали его. Папа вернулся в 1945-м.

Мой муж, Лозовский Константин Васильевич (1919–1970) учился на Юридическом факультете Ленинградского университета. Его взяли на службу с последнего курса, когда началась война. Сначала служил в особом отделе погранотряда в Лисьем носу. Воевал на Ленинградском фронте. Я в то время училась в институте им. Бонч-Бруевича. Впервые мы познакомились с ним до войны на совместном вечере учебных заведений.

Однажды во время войны мы случайно встретились в Лисьем носу на платформе, где он был с ординарцем, так как при нем всегда были ценные документы. Были редкие встречи. Мы расписались в 1942 году. До рождения дочки в 1943 году, я работала в пограничной части. Первая дочь Леночка родилась весом чуть более 2 кг. Она была не совсем здоровой. А мне в дни блокады помогло то, что я всегда занималась спортом. Пока была война, мы жили в Курортном районе. Муж изредка приезжал на «пикапчике».

После окончания войны муж продолжал служить в погранвойсках. Несколько раз менял место службы. Демобилизовал-

ся в 1949 году, окончил институт, работал в Ленинграде зам. прокурора. Преподавал в разных училищах.

В 1951 году муж получил направление в Таллин. Первое время мы жили у Лили Намгаладзе, моей давней сестрорецкой школьной подружки и ее мужа Арсена. Спали на полу. Военные ловили в Балтийском море «клецки» – мины. И Сашенька Намгаладзе пошел в школу с моей старшей дочкой Леной в Таллине.

Потом мы вернулись в Ленинград на ул. Л.Толстого, в мою довоенную комнату 10 кв. м. Квартира была коммунальной – на восемь семей. Раньше в этой квартире жила какая-то известная артистка. Потом поменялись с соседкой на 32-метровую комнату, так как в 1949-м я родила вторую дочку, Наташу. Третья дочь Людмила родилась в 1953 году.

Повторно мужа призвали в армию осенью в 1959 года. Он служил на Новой земле, в/ч 77510 зам. начальником по политической части. Он носил морскую форму, но многие его документы не сохранились или никогда не были в семье. Когда муж прибыл на Новую Землю, то встретил своего друга Лазаренко, который помог мне приехать к мужу на полигон. Вот эта фотография. Это было трудно, но Вася-друг сделал документы за месяц. После ноября я приехала на Новую Землю как жена. Дети в то время на полигоне были исключением. Нас поселили в Белужье, где находился штаб. Я должна была устроиться на работу, но заболела – сказалась перемена климата, тем более зимнее время, полярная ночь. А когда пришла в себя, меня, как специалиста с высшим образованием, приняли библиотекарем сначала в базовый матросский клуб, а когда построили Дом офицеров, то сразу взяли в библиотеку Дома Офицеров. Мне везло, я всегда занималась спортом. В Доме Офицеров на первом этаже был спортзал, играли в волейбол, баскетбол, футбол. Когда была приемка Дома Офицеров, моя библиотека была уже укомплектована, сделаны два каталога. Я с двумя библиотекарями скомплектовала библиотеку за три месяца и получила благодарность и большую денежную премию.

Что там было интересного? Погода могла меняться за одну минуту. Начиналась пурга, как молоко. Сразу терялась ориентация. По улицам во время вьюги ходили «БэТээРы». Радио

было везде. Когда начиналась стихия, слышалось: «Ходите по кругу». Это значило, что нужно было ходить по кругу, улица была одна, БТР-ка подбирала всех.

Однажды ночью в нашем доме начался пожар, я выскочила в валенках на голые ноги с накинутой шубой. Счастье, что у нас был очищен снег со стороны окон. Со второго этажа уже сбрасывали вещи. Когда меня увидел начальник, он спросил: «Что у тебя в руках?». Я разжимаю руки – в них учебник по политике-экономии. Так за мной закрепилось навсегда звание «Главный экономист». На второй год мы взяли с собой на Новую Землю дочь Лену, так как она не поступила в институт. Дочь сама согласилась ехать. Она работала в части. Младших дочерей мы оставили в Сестрорецке с бабушкой.

Я прожила на Новой Земле около трех лет. Муж задержался на полгода. Позднее дочь Лена вышла замуж за одноклассника – сесторечанина Андреева. Мужу дали 2-комнатную квартиру на Белоостровской улице. Мы поменяли эту квартиру на Сестрорецк. Так что Сестрорецк собирает всех. А Леночку мы прописали у бабушки, так как на нее не хватало метража. Это произошло за год до смерти Кутуева И.В.

После Новой Земли муж работал в «почтовых ящиках», с 1967 года в клубе офицеров Военно-Морской Академии. Он умер в 1970 году от последствий облучения, хотя этого не указали в медицинской справке.

К.В. Лозовский (в центре) с сослуживцами погранотряда. Лисий Нос

1960 г. К.В. Лозовский (слева) на Новой Земле. 1961 г.

Моих родных похоронено на Сестрорецком кладбище более 30 человек. Бабушка погибла в эвакуации. Дедушка по материнской Аракчеевской линии, два дяди, Петр и Александр, сестра похоронены на Сестрорецком кладбище. По отцовской линии никого нет. Похоронены в разных местах. Некоторые могилы не сохранились.

Мой брат, Кутуев Владимир Иванович родился 14 января 1920 года, погиб 30 сентября 1943 года. Родился и вырос в Сестрорецке. Окончил 1-ю Сестрорецкую среднюю школу в 1938 году. В этом же году поступил в Саратовское училище гражданской авиации (г. Балашов). В 1940 году училище стало военным. В 1941-м окончил училище и получил звание младшего лейтенанта. Работал в училище инструктором по подготовке летчиков-испытателей и бомбардировщиков. Летом 1943 года, когда шли ожесточенные бои на Курском направлении, ушел на фронт в звании лейтенанта. Служил в воинской части, полевая почта 29751. Участвовал в ликвидации летнего наступления немецко-фашистских войск на Воронежском фронте. 30 сентября 1943 года, возвращался с боевого задания на свой аэродром, был сбит. Горящий самолет Володи упал в районе села Старый Орлик Полтавской области. Со слов свидетелей, весь экипаж погиб. Сельчане похоронили останки. В 1950-е годы на месте села Старый Орлик оказалось водохранилище.

Мой дядя, Аракчеев Александр Арсеньевич воевал в финскую войну, с 1941 по 1944 годы – на Курской дуге, Днепре. Комиссован в связи с ранением.

Мой дядя, Аракчеев Николай Арсеньевич. Летчик. Работал на Сестрорецком заводе. Геройски погиб 26 мая 1942 года при выполнении боевого задания. Его имя высечено на стеле на территории завода.

Мой дядя, Аракчеев Петр Арсеньевич работал на Сестрорецком заводе. Во время войны служил на Ленинградском фронте, на Ладоге, шофером. Фото нет.

О моей подруге на всю жизнь – Елизавете (Лиле) Бургвиц-Намгаладзе

Она была очень шустрой, веселой, простой, хорошенькой, но не была лидером. Я руководила ею. Ее всегда звали Лилей. Когда родился у нее сын Сашенька, я кормила его грудью. Она оставляла его на меня, когда ей надо было идти на похороны матери или отоварить карточки. Мальчишки от нее просто умирали. Мы ходили в ситцевых платьях, сшитых нашими мамами, а некоторые девчонки были в крепдешиновых платьях. Но это не мешало нам нравиться мальчишкам.

По вечерам мы развлекались так. Я занималась в конном кружке в погранотряде. Кроме того играла в волейбол, на берегу озера от погранотряда была волейбольная площадка. В погранотряде была самодеятельность, я участвовала в ней. Мой брат Владимир в восемь лет играл на гармонии, также участвовал в самодеятельности. В погранотряде нас учили танцам, для этого приезжал преподаватель. Погранотряд был палочкой-выручалочкой для города на всех мероприятиях. Кстати, там учили наших мам стрелять из оружия. В школе, теперь под номером 434, помимо отряда, так же проходили интересные мероприятия».

Учитель физкультуры, Ячменев Константин Александрович, организовал театр. И, конечно же, я и там была задействована. К.А. Ячменев был заводилой всех интересных дел в школе. О нем был снят документальный фильм. На войну он пошел добровольцем, получил очень тяжелые ранения и исчез. Его – ка-

леку нашла на острове Валаам одна из учениц – Нина Яковлева. Но Константин Александрович попросил, чтобы о нем не рассказывали в Сестрорецке, он хотел остаться для своих любимых учеников молодым и красивым. Он был очень талантливым.

*Художественная самодеятельность
Краснознаменного погранотряда НКВД. 1938 г.*

А на Разливе происходили не менее интересные события. Одна дачница, забыла ее имя, была чемпионкой по плаванию. Она-то и научила нас с Лилей плавать. Позднее я зарабатывала грамоты, выступая за Погранотряд в зональных соревнованиях.

Лиля очень любила танцевать. Мама ее отпускала даже в ЦПКО по воскресеньям. Это не очень способствовало ее учебе. В итоге она осталась на второй год в старших классах. Но умницей и рукодельницей была изумительной. Она была создана для семьи и всю свою жизнь достойно выдерживала все тяготы военной службы своего мужа – Александра Намгаладзе. Она родила сына и двух дочерей, но каждым летом обязательно отдыхала в Разливе, пока ее семья не обосновалась в Севастополе. Разлив был местом наших встреч, душевных разговоров и в радости, и в печали».

Лиля с детьми на Разливе

Лиля Намгаладзе похоронена в Калининграде. Ее сын Саша живет в Мурманске с женой, а его сын живет и работает в Гер-

*Лиля с сестрой
Людмилой Бургвиц*

мании, а дочь – в Калининграде. Саша Намгаладзе купил в Се-строрецке однокомнатную квар-тиру. Бывает здесь летом. Свою жену называет только ласково – Сашуля. Чудесные воспомина-ния о Лиле и ее судьбе написал ее сын Александр Намгаладзе.

В семье Лили было трое де-тей, муж постоянно переезжал по месту новых назначений, и Лиля, как верная жена, посто-янно была рядом с ним. Дел в домашнем хозяйстве всегда хватало. Она обшивала всю семью, была хорошей кулинаркой. На новых местах, вероятно, негде было работать.

Офицерский пляж. 1920-е гг.

5-й класс Разливской школы. В центре три учителя труда – слесарного и токарного дела. В верхнем ряду четвертый справа учитель физкультуры Ячменев Константин Александрович. 1935 г.

Но я думаю, что это тоже зависело от мужа. У меня ведь тоже стаж небольшой. Не было возможности работать. Но я работала после института инспектором по библиотекам. Потом я уже была в положении со второй дочкой. Но так как у меня были три дочки, были перерывы. Работала в библиотеке Трансприбор с окладом 60 руб. в должности чертежника, а потом я стала зав. библиотекой. Вышла на пенсию в 55 лет в 70-х годах. А дочь Леночка закончила только среднюю школу. Много лет работала секретарем в завкоме сестрорецкого завода. Пережила восемь начальников. Когда распределяли акции завода, тогдашнее начальство ей сказала: «А Вам не положено, Вы – не наша».

Дочь Наташа окончила библиотечный институт, работала на севере, потом в Сестрорецке с Н.А. Фроловой в Сестрорецком Курорте. Наташа жила для карьеры мужа и умерла в 57 лет (это все прелести Севера) она долго жила на Севере с мужем и заработала «букет болезней». Муж был морским офицером. Они жили в Северодвинске, Североморске.

Внучка Аня окончила библиотечный институт. Училась заочно. Но на библиотечной работе не работала. Работает не по специальности.

Третья дочь, Людмила Галанина, живет в Ленинграде, окончила технический институт и вышла замуж за одноклассника. Она уже на пенсии».

Рассказ об этой семье не закончен. Растут внуки, правнуки. И центром всего рода является по-прежнему Вера Ивановна Лозовская. Как говорят ее родные: «День рождения – это святое». Мы надеемся, этих святых дней в жизни Веры Ивановны будет еще много.

*Публикацию подготовила руководитель
Краеведческого центра библиотеки им. Зоценко
Р.Н. Гараева*

И.И. ЧУДНОВСКАЯ

ВОСПОМИНАНИЯ О НАШЕЙ СЕМЬЕ

Ещё совсем недавно рядом с железнодорожной станцией «Разлив» можно было увидеть огромное полуразвалившееся каменное здание. В такое жуткое состояние оно превратилось в 1990-е годы. Очень жалко было смотреть на руины, на глазницы выбитых окон, на развалившуюся крышу. Ведь этому зданию было больше ста лет, и построено оно было по указу императрицы Марии Федоровны как «Дом призрения», и в этом качестве просуществовало до 1917 года. По словам очевидцев, до войны в этом здании был «лепрозорий для больных «волчанкой». А сейчас даже руин нет, их развалили, камни свалили в одну большую кучу, здание осталось только на дореволюционных фотографиях.

Историческая справка

Одним из направлений деятельности Особое городское присутствие по разбору и призрению нищих в С.-Петербурге считало призрение бездомных и нищенствующих детей. В 1905 председатель Присутствия гласный И.П. Путилов выступил с предложением выстроить за городом, в здоровой местности, детский приют. Для этих целей, по Высочайшему распоряжению на территории казенной лесной дачи в Сестрорецке был выделен участок в три десятины близ железнодорожной станции Разлив (совр. адрес: ул. М. Ленинградская, 62). На постройку зданий присутствие получило от Городской управы 150 000 руб. В 1906–1908 годах по проекту архитектора В.К. (в других источниках – Константин) Маковского было воз-

ведено каменное трехэтажное здание с баней, прачечной и лазаретом. Для проведения церковных служб в одном из рекреационных залов приюта был устроен задвижной иконостас. Приют начал функционировать с осени 1908 года. По данным на 1909 год в нем призрелись 272 ребенка: 112 малолетних обоего пола (младшее отделение), 80 мальчиков (среднее отделение) и 80 девочек (рукодельное отделение).

В 1910 году председателем присутствия был И.Н. Креморенко, делопроизводителем – К.И. Ануфриев. В заведениях Присутствия постоянно опекалось 420 детей и 410 взрослых:

Особое присутствие было упразднено в 1918 году. Здание детского приюта в Разливе в 1918–1919-х годах было занято Колонией для нравственно дефективных детей, в 1919–1921-х – Женской трудовой колонией Отдела Управления Петрогубкома (здесь пытались перевоспитать проституток), а в 1921-м передано под Санаторию для больных туберкулёзом кожи «Лепрозорий» для размещения нуждавшихся в специальном лечении больных волчанкой. В 1951–1972-х годах бывший приютский комплекс занимала Туберкулезная больница.

Источники: ЦГИА СПб. Ф. 4301. Оп.1. Д. 322 (1921–1922); ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 9503 (1905–1906); Особое городское присутствие по разбору и призрению нищих в С.-Петербурге: История его возникновения и задачи, им выполняемые: Очерк. СПб. 1911.

Я вспоминаю уже послевоенные годы, когда наша семья переехала из Ленинграда в Разлив. Маме (Шиманской Александре Ивановне) предложили работу лечащего врача-терапевта и дали комнату для проживания, сначала в здании больницы, а потом в общежитии на ее территории. Было это в 1946–1947 годах, туберкулезной больницы еще не было, в здании располагался в то время госпиталь, в котором долечивались те, кто получил раны на войне.

Мама приехала в Разлив из Ленинграда вместе с семьей (бабушка и двое детей – сестры-двойняшки) и стала работать врачом в больнице. Но обо всем по порядку.

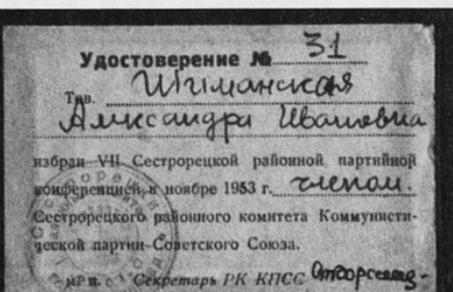
Мама, Шиманская Александра Ивановна, родилась в 1908 году в городе Кузнецке Пензенской обл. (до революции

Таня и Ира Чудновские с тётёй у платформы Разлив. 1949 г.

Депутатский билет А.И. Шиманской

Удостоверение члена Сестрорецкого райкома КПСС А.И. Шиманской

Пензенская губерния). В 1912 году семья с четырьмя детьми (все девочки, мама была второй по старшинству) приехала в Петербург. Дедушка, Шиманский Иван Гаврилович, стал работать бухгалтером, бабушка, Шиманская Мария Петровна, до революции была домохозяйкой. Бабушка пошла на работу в начале 20-х годов, когда дети уже подросли. Она работала на фабрике «Красное Знамя» сначала чулочницей, потом кладовщицей, впоследствии завхозом в детском саду, который существовал при фабрике, и проработала там до 1940 года. Накануне войны она вышла на пенсию. Мама поступила в гимназию в 1915 году еще в царское время, а окончила уже школу при советской власти. В 1925 году после окончания школы она поступила в 1-й Медицинский техникум, который окончила в 1928-м, и ей была присвоена квалификация медицинского физио-рентгенотехника. После окончания техникума она работала на отделении физиотерапии при фабрике «Красное Знамя». Очень знаменательно, что во время учебы, практику она проходила в санатории «Сестрорецкий Курорт». Она рассказывала нам, какое красивое это было место: вокруг сосны, песок, залив, описывала здание тогда еще существовавшего Курзала.

А.И. Шиманская. 1928 г.

*А.И. Шиманская (справа).
24 сентября 1942 г.*

В 1933 году ее по путевке от предприятия, как дочку рабочей, приняли в 1-й Медицинский институт им. академика Павлова. В 1938 году мама оканчивает институт с «красным» дипломом. Ее оставляли работать сразу на двух кафедрах, но она уехала по распределению на работу в Карелию, в небольшой райцентр Ругозеро, в больницу. Там она проработала до начала войны и потом вспоминала, как к ним зимой доставляли обмороженных солдат, а особенно, матросов, воевавших с финнами в 1939–1940 годах. Многим приходилось ампутировать конечности: пальцы рук и ног, стопы. Обмундирование у них было непригодное к зимним жестоким холодам, многие матросы были обуты просто в ботинки на тонкой подошве.

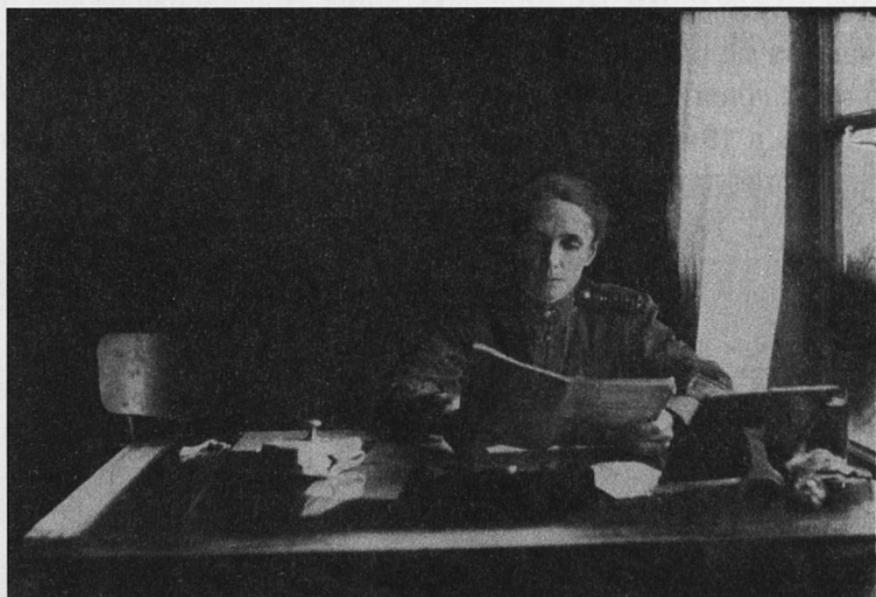
В 1941 году, с началом Великой Отечественной войны, мама была призвана как медработник на военную службу на Карельский фронт. С 1941 по 1943 годы служила в 120-м Управлении головного эвакуационного пункта 7-й отдельной армии, а с 1943-го в 90-м Терапевтическом полевом подвижном госпитале 7-й отдельной армии в звании капитана медицинской службы. Там она встретила моего отца, Чудновского Иосифа Яковлевича, тоже врача, майора медицинской службы. Они зарегистрировали брак, но он оказался не очень долговечным: родители официально развелись в 1949 году, что-то не сложилось в их отношениях. Но в результате этого брака родились две девочки-двойняшки. В 1945 году мама демобилизовалась, а за участие в Великой Отечественной войне была награждена медалью «За победу над Германией».

После демобилизации мама возвратилась в Ленинград, но в прежней квартире, где вся семья проживала до войны, жили уже другие люди – беженцы. Пришлось ютиться в небольшой комнате трём взрослым и пятерым детям. Дедушка, Шиманский Иван Гаврилович, умер в блокаду в декабре 1941 года. От него осталось только фотография, где он снят с бабушкой в молодые годы и два письма к бабушке из осажденного Ленинграда.

Мама устроилась на работу в институт Вредена, а в 1946-м ей предложили работу в Разливе с предоставлением служебного помещения для проживания. Вот с этого времени судьба нашей семьи связана с Разливом и Сестрорецком.

А.И. Шиманская в больнице поселка Ругозеро. 1938 г.

*А.И. Шиманская в звании капитана медицинской службы.
Эвакогоспиталь. 1943 г.*

Мама начала работу в Разливе в качестве лечащего врача сначала в госпитале для долечивающихся раненых, а потом, 1947-м или 1948 году, госпиталь был расформирован, и была открыта больница для туберкулезных больных (Туббольница № 1 Ленгорздравотдела). Больные, которые находились на лечении, были с открытой формой туберкулеза, но мы как-то не обращали на это внимания, мы прожили на территории больницы с 1947 по 1967 год.

Больных было много – этому способствовала война и голод. Наша небольшая комната в здании при больнице находилась в 2-этажной пристройке к основному зданию с тыльной стороны. На втором этаже располагалась аптека и комнаты, где жил главврач с семьей. Мы поселились на первом этаже, впоследствии в этом помещении располагался парткабинет.

Первым главврачом туббольницы был Беринский Матвей Михайлович, он проработал до 1952 года, его сняли с работы, когда началось пресловутое «дело врачей». Судьба его мне неизвестна. На территории больницы находился большой ухоженный парк с аллеями и цветниками, там больные проводили время на воздухе, в больнице имелась своя аптека, биохимическая лаборатория, теплица, конюшня, прачечная. В больнице было несколько отделений, терапевтические и хирургические, рентгеновский кабинет, зубной кабинет. В штате больницы, кроме медицинского персонала, были еще садовник и конюх. Конюх, дядя Яша, так мы его звали, ухаживал за конем по кличке Костя. Конь был немного контуженный и не выносил громких звуков, когда что-то гремело, он пускался вскачь, и остановить его мог только конюх. На Косте, впряженном летом в телегу, а зимой в сани, доставляли в больницу хлеб и молоко в бидонах. Мы всегда просили покатасть нас на телеге или санях.

В двух общежитиях, находившихся также на территории больницы, жил медицинский персонал и другие сотрудники. В первом каменном двухэтажном здании на первом этаже находилась прачечная, а на втором – комнаты общежития для технического персонала (санитарки, электрик, прачки), и в этих помещениях всегда было сыровато.

Персонал эвакуогоспиталя. В центре А.И. Шиманская. 1943 г.

Позднее мы жили также на территории больницы, но в деревянном доме, дореволюционной постройки начала XX века. В доме было десять комнат и небольшая кухня, в которой располагалась плита, растапливали ее дровами, но обычно все готовили на керосинках и керогазах, и ими была заставлена вся плита. Бабушка обычно готовила не на кухне, там было очень тесно, а в комнате, в маленьком закутке, выгороженным старым шкафом. Газовые плиты и газ в баллонах появился у нас только в 1961 году. Для этого увеличили кухню за счет маленькой комнатки, в которой жила семья дворника. На десять семей поставили три плиты, конфорки на каждой плите распределялись по числу членов семьи. На нашей плите готовили три семьи. В двух комнатах в начале 50-х годов жили молодые медсестры, которые только окончили курсы медсестер Красного Креста и пришли на работу в больницу, в их комнатах всегда было весело. В других комнатах жили семьи: Шапоренко Надежды Георгиевны, главного бухгалтера; Беленького Давида Леонтьевича, зав. Аптекой; Горфейна Магнуса Самойловича, врача-уролога;

медсестер больницы – Мельниковой Фаины Ивановны, Сергеевой Елены Сергеевны, Семериковой Людмилы, лаборанта Соколовой Веры Евгеньевны и др. Поскольку общежитие было коммунальное, каждая семья следила за чистотой в доме, дежурила каждая комната, исходя из числа членов семьи. Раз в неделю нужно было вымыть длинный коридор, кухню и высокое крыльцо, ведущее в дом, а каждый день подметать помещение.

Территория больницы сначала была обнесена невысоким штакетником, и мы, дети, свободно гуляли по всему двору кроме парка для больных. Потом больничные двор обнесли забором повыше, поставили проходную, но это никогда не было препятствием ни для больных, ни для нас детей. В больнице всегда был безукоризненный порядок, очень чисто. В то время еще работали санитарками и нянечками люди старой закалки, больничные помещения сияли чистотой, каждый день все дезинфицировалось с хлоркой, нянечки убирали помещения на совесть, везде поддерживался порядок.

Мама работала всегда много, сколько мы с сестрой помним, всегда на 1,5 ставки. Время было тяжелое, надо было обеспечивать семью, а мама была единственным кормильцем: бабушка получала небольшую пенсию, а на нас с сестрой поступали тоже небольшие алименты от отца. Мама в больнице была палочкой-выручалочкой, так как она жила на территории больницы, много раз ночью мы слышали стук в дверь, это прибегала санитарка, которую посылал дежурный врач к маме за помощью. Она никогда не отказывала в помощи, одевалась и шла останавливать очередное легочное кровотечение у больного. Мы с детства выучили слово – пневмоторакс, потому что очень часто слышали его из маминых уст. Мама работала врачом-фтизиатром (специалист по легочным заболеваниям), зав. отделением, в последние годы врачом-физиотерапевтом. В детский сад мы с сестрой не ходили, все время проводили с бабушкой или гуляли во дворе с другими детьми. Мама уходила на работу в 8 или 9 утра, а приходила после 5 или 6 вечера, работали все тогда с одним выходным. В выходной надо было успеть сделать массу дел, для мамы, конечно, большим подспорьем было то, что с нами жила бабушка: она присматривала за нами, занималась с нами, готовила, ходила в магазин.

Персонал туберкулезной больницы в Разливе

В начале 50-х годов, после Беринского М. М., в больнице сменилось несколько главврачей. Мы запомнили **Калинкина**, он всегда ходил в черной флотской шинели и форменной морской фуражке. По существу, он был больше хозяйственником, чем врачом. С 1959 года по 1961 год главврачом был **Буренков Сергей Петрович**. При нем об успехах коллектива врачей больницы появились публикации в печати, и накопленный ими опыт стал достоянием для других лечебных заведений города на Неве. А в 1959 году на отчетно-выборной партийной конференции Буренкова избирают секретарем Сестрорецкого райкома партии. Затем Сергей Петрович избирается председателем Сестрорецкого райисполкома. И, наконец, он – 1-й секретарь Сестрорецкого райкома партии, а в 1980-м – Министр здравоохранения СССР. Последним главврачом, при котором мама работала, был **Фельдман Владимир Ефимович**, он довольно долго возглавлял больницу.

Из медицинского персонала запомнилась **Иванова Вера Николаевна**, зав. терапевтическим отделением. Она работала вместе с мамой, была депутатом городского совета, а после мамин

ной смерти очень помогла нам в получении квартиры. Длительное время единственное в городе специализированное отделение по хирургическому лечению эмпием возглавляла **Лункевич Наталья Викторовна**. Она много сделала для усовершенствования оперативного лечения очень тяжелой категории больных с эмпиемой плевры. Старшей сестрой приемного покоя больницы работала **Никифорова, врачом-урологом – Сорокоумов Петр Иванович**, после он работал в туберкулезной больнице на Поклонной горе. Это только те, не многие, о ком я помню по маминым рассказам и по личным воспоминаниям.

*Сотрудники туберкулезной
больницы в Разливе.
Конец 1940-х гг.*

В больнице была очень хорошая библиотека для сотрудников, больным книги из этого фонда не выдавались. Когда больницу в 1980 году закрыли, часть книг из этой библиотеки передали в центральную библиотеку Сестрорецка.

В конце 1940 – начале 1950-х маму избрали секретарем парторганизации больницы, а в 1953 году на Сестрорецкой партийной конференции ее выбрали членом РККПСС. Иногда по выходным ей приходилось дежурить в приемной РККПСС, и она брала нас с собой. Там мы вначале 1950-х увидели первый телевизор с малюсеньким экраном, запомнилось, что показывали какой-то мультимедийный фильм, и этот просмотр произвел на нас огромное впечатление.

В 1955 году маму выдвинули депутатом городского совета депутатов трудящихся, где она проработала два созыва. В это время к ней многие обращались по депутатской линии, особенно по вопросам связанным с жилплощадью и она, насколько было это в ее силах, старалась помочь обратившимся к ней людям, никому никогда не отказывала, по каждому обращению доводила дело до конца.

За активную работу в 1957 году она была награждена правительственной наградой – орденом «Знак почета», медалью «В память 250-летия Ленинграда», значком «Отличник здравоохранения».

Мы с сестрой в 1952 году пошли в 434-ю «Разливскую» школу и в 1963-м ее окончили. Мама продолжала работать, хотя уже могла выйти на пенсию, но ей по врачебной очереди должны были дать квартиру, которую она так и не дождалась (ее нам дали спустя девять месяцев после маминой смерти). Последние годы маму мучило высокое давление, лекарства почти не снижали его, и в 1966 году она умерла от кровоизлияния. На похороны пришло очень много сотрудников больницы, и те, кто когда-то работал с ней. Похоронили маму на Сестрорецком кладбище, где теперь рядом с мамой лежат бабушка и мамина старшая сестра.

Немного о нас с сестрой

Моя сестра-двойняшка, Чудновская Татьяна Иосифовна, после окончания школы поступила в 5-е медицинское училище, окончила его в 1965 году и стала работать в больнице №40 г. Сестрорецка на проктологическом отделении медсестрой. В 1972 году перешла на работу в госпиталь Погранвойск, который к тому времени располагался на Полевой улице. В 1975 году уехала (по контракту) на три года на работу в госпиталь Советских войск в Чехословакию, в город Яромерж. В 1978 году, когда вернулась из Чехословакии, устроилась на работу в 1-й Медицинский институт им. акад. И.П. Павлова, где трудится по настоящее время.

Я, Чудновская Ирина Иосифовна, после школы год проработала старшей пионервожатой в школе-интернате № 36 в пос. Александровская, которым руководил Соболев Николай Иванович. В 1964 году поступила в Ленинградский Педагогический институт им. Герцена и окончила его в 1968 году. Год поработав в школе №428 в пос. Белоостров, в 1969-м перешла на работу в районную библиотеку в г. Сестрорецке, где трудилась на разных должностях до 1989 года. С 1990 по 2006 годы работала в Городской публичной библиотеке им. В.В. Маяковского в научно-методическом отделе, а потом вернулась в центральную библиотеку им. М.М. Зощенко, где начинала свою карьеру на библиотечном поприще. В общей сложности библиотечному делу я отдала более 40 лет.

И.М. АЛЕКСАНДРОВА

ДАЧНЫЙ РАЗЛИВ

Сестрорецк конца XIX века. Время расцвета и благосостояния. В прошлом войны... Наступило время политической и экономической стабильности. Наконец-то свобода докатилась и до сестрорецких оружейников – рухнуло крепостное право (1861). Есть разрешение на свободу передвижения, выбор профессии, вольнонаемный труд. А с проведением железной дороги жизнь в городе забурлила. Крепло купечество, строились каменные дома в центре на Выборгской улице: купцов Горшкова, Калачёва, Леонтьева, Кучумова. Появились и первые местные предприниматели: господин Слободской построил великолепную общественную баню (низкий ему поклон, т. к. действует до сих пор с 1898 года), а г. Шляпоберский – кузницу у железнодорожного моста возле водосливного канала (левая сторона Шипучки). Весь транспорт был гужевой, и была острая необходимость подковывать лошадей.

За 180 лет Оружейного завода выросло не одно поколение первоклассных мастеров. Свято хранились традиции и особо почитались династии. На завод посыпались правительственные и частные чугунно-литейные заказы. Это были ажурные решетки для украшения Санкт-Петербурга и его окрестностей (Царское село, Гатчина, Павловск). Рабочий человек чувствовал гордость за свою профессию, за свою семью. Ювелирное мастерство мастеровых оружейников соперничало с мастерством женщин – рукодельниц: кружевниц, вышивальщиц, портних, ткачих и кулинарок!

Обыватели Сестрорецка, как тогда называли жителей, ютились в крохотных домах на маленьких участках земли. Семьи были огромные – до 15 человек детей. Тяжелый быт да хорошие заработки вселяли надежду в горячие головы молодых

оружейников о приобретении земли и постройки собственного дома отдельно от родителей недалеко за озером. И такое место нашлось. Это сосновый бор в 20 минутах хода на веслах от завода. Место сухое, солнечное, с пригорками и впадинами. В заводоуправление посыпались заявления. Их было много, и шел строгий отбор. Отбирали по четырем принципам:

1. Соискатель не должен иметь дом в Сестрорецке
2. Должен быть лоялен к власти
3. Должен быть высокопрофессиональным мастеровым
4. Быть хорошим семьянином и уважаемым человеком в обществе.

Высочайшее разрешение для приобретения земли для лучших рабочих Оружейного завода, наконец, было получено. Началась подготовительная работа. Была сделана геодезия участков, распланированы улицы и размеры будущих дворов от 10 до 15 соток на семью.

Дачная архитектура в Разливе имела свои особенности. Это четкий квадрат, дом с мезонином. На первом этаже – две-три комнаты, плюс большая комната и веранда, один или два холодных коридора, туалет при доме. На втором этаже – три летних комнаты с одним балкончиком. Или одна комната центральная с балконом, а у двух боковых – маленькие застекленные веранды. Однако все зависело от возможностей хозяина. Много было построено домов скромных, одноэтажных с одной комнаткой под крышей. Но все дома богато украшены резьбой. Особо выделялись дома с башенками и цветными стеклами на веранде.

После обмера участка работа ускориалась. Рубили просеки, корчевали лес. Здесь потрудились прекрасные техники и землемеры. Узнать бы их имена. Скоро просеки стали улицами, а четкие прямоугольники – будущими дворами. Главные улицы идут с севера на юг, а поперечные – с запада на восток. Учтена «Роза ветров», в поселке нет сквозняков. Почти все улицы подходят к воде, многие – дважды, а некоторые, игриво извиваясь, идут вдоль берега. Для быстроты застройки Нового места были созданы артели. Пилорама располагалась у Ржавой канавы на 39-м километре. Там работали спецартели по калибровке бруса и бревен. Рядом – художники-резчики. Они выполняли тон-

кую и изящную работу по резьбе карнизов, подзоров, балясин и наличников.

Но прежде чем строить основной дом, ставили времянку – небольшой рубленый дом вместе с холодными сенями, около 20 кв.м для временного жилья. Делали его из недорогой бросовой древесины. В стороне от будущего основного дома ставили баню, хлев, сарай. Рыли колодец. Мой дед – Леонтьев Иван Васильевич (1870), коренной сестроречанин родился в семье потомственных купцов – отца, Василия Михайловича, и деда, Михаила Евграфовича.

Их двухэтажный, каменный, с угловым эркером дом размещался в центре Сестрорецка по Выборгской ул., 7. За стеной была Базарная площадь, которая по праздникам и в дни ярмарок гудела, как растревоженный улей. Купцы торговали фуражом и зерном. Для этого были приобретены огромные весы, на которые могла поместиться подвода с сеном или зерном. Возлагая на сына Ивана большие надежды, отец, Василий Михайлович, дал сыну хорошее воспитание и образование. Но достигнув возраста, когда юноша может самостоятельно принимать решения, имея характер твердый и решительный, сын пошел наперекор отцу, выбрав техническое направление. Окончив политехнические курсы, он поступил на Оружейный завод механиком. Желая отделить трёх взрослых сыновей, Ивана, Николая и Василия, Василий Михайлович строит для них дом по улице 1-я Односторонняя, 7. Дом маленький – одна кухня и две проходные комнаты. Пока сыновья были холостыми, они как-то размещались. В будущем все братья построили себе отдельные дома. Дом Николая стоял на перекрестке Болотной и 1-й Односторонней улиц. Темно-синее, добротное, деревянное здание с десятью окнами по фасаду. Оно долгое время служило районному военкомату. Василий на Литейном переулке построил 2-этажный деревянный дом. А мой дед Иван взял участки в Новом месте и построил дом в Разливе для своей будущей семьи.

В 1897 году Иван Леонтьев встретил свою судьбу – мою бабушку. На тот момент ей было 15 лет. В следующем году он сделал Наталье Ипатовой предложение.

Иван Васильевич к тому времени крепко стоял на ногах, был уважаем на производстве. Соблюдая все условия, имел право на приобретение земли на Новом месте. Отец, Василий Михайлович Леонтьев, узнав, что сын Иван берет в жены не сосватанную купеческую дочь, а бедную девушку из семьи ремесленника, в гневе проклял его, отлучил от родительского дома, лишил родительского благословения и наследства. В будущем Иван Васильевич мог надеяться только на себя и на свою жену Наталью Степановну.

Дед Иван был человеком ответственным, творческим, эмоциональным и любознательным. Он тонко чувствовал музыку и слово. Ежегодно брал абонемент в Мариинский театр. Обожая свою юную красавицу-жену, одевал как куколку, выводил в свет. Зная, как Наталья любит танцевать, сопровождал её на балы. Супруги были православными и в доме было достаточно духовной литературы. Иван Васильевич любил быть в курсе международных и городских событий, для этого выписывались периодические журналы и газеты того времени: такие как «Петербургские ведомости», «Петербургский листок», «Природа и люди», «Нива», а также нужная для работы техническая литература. В 1915 году дедушка расплатился с кредитом за дом, а в 1916-м умирает в больнице в Петербурге. Место захоронения неизвестно, так как жену вовремя не известили о смерти мужа.

Бабушка Таля

Сестрорецк, Пески. В маленьком домике в два окна, у самой дороги – Выборгской улицы, в семье ремесленника Степана Ипатова и его жены Марины Ипатовой 14 августа 1882 года родилась дочь, названная Натальей. Она была третьим ребенком в семье. Старший сын – Александр, вторая дочь – Екатерина, хохотушка и озорница. В войну дом не сохранился.

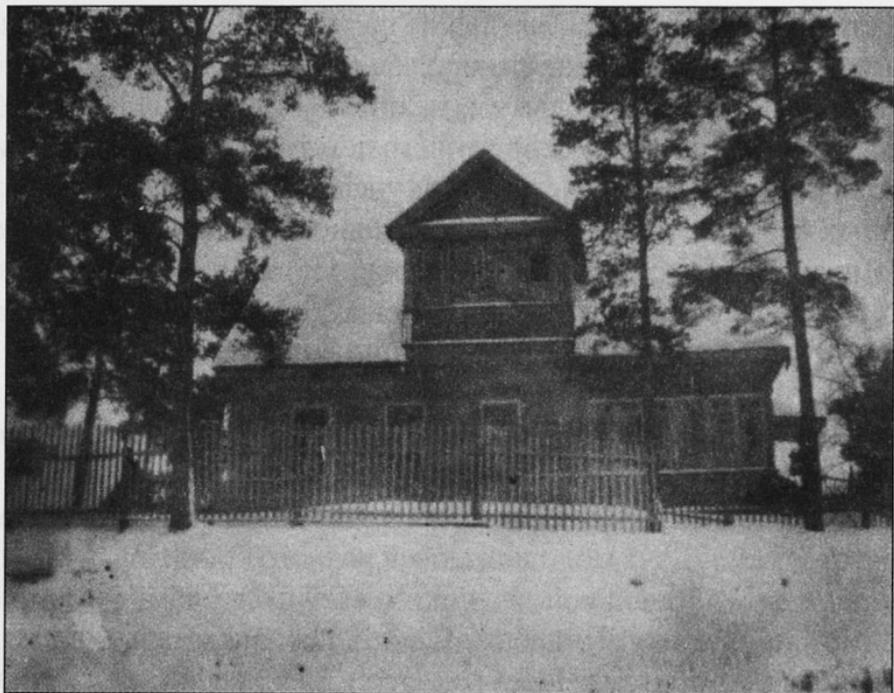
Однажды мама подвела меня к огромному тополю. До войны он рос перед окнами моей прабабушки. Теперь это памятное место на углу дома № 22 по ул. Володарского (у последнего «немецкого» дома). Этот величественный тополь, высотой до 3-го этажа и в диаметре 1,5 м простоял до 1970 года и был спилен при расширении ул. Володарского. Но ещё года два оста-

вался пенёк. Мы с мамой вставали на него. Мама вспоминала дорогое сердцу место и живших здесь людей.

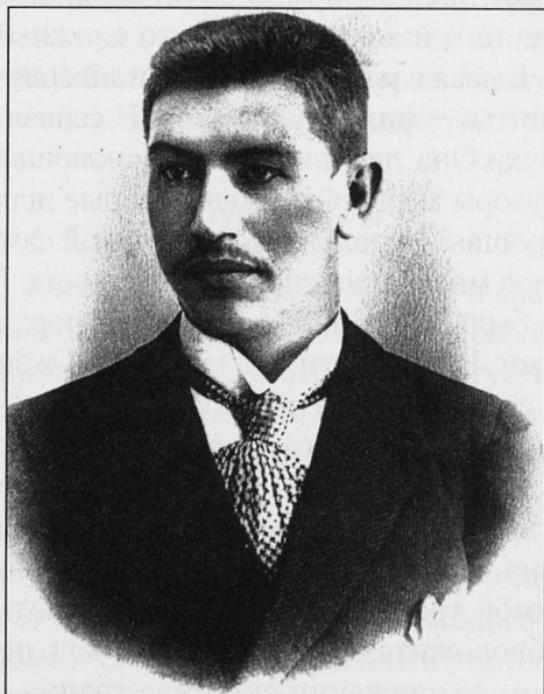
Таля росла впечатлительным, нежным и эмоциональным ребенком. Приученная к труду с раннего детства, хорошо шила, вышивала, вязала. Закончив частные курсы по шитью лайковых и кожаных перчаток, делала это превосходно. В будущем эти навыки помогут ей и её семье выжить. Юная Наталья любила танцы. Имея великолепный голос – лирическое сопрано – охотно пела сама, и охотно слушала других, особенно Шляпина.

Весна. Масленица. 1897 год. Наталье 15 лет. Лошади сытые и бойкие, с лентами в гривах, звеня колокольчиком, пролетали мимо дома купца Леонтьева. Выскочивший из дома молодой человек с разбегу прыгает в пролетающие сани и падает в ноги Натальи. Так судьба столкнула двух молодых людей разного круга. Иван не мог отвести глаза от тоненькой девушки с ярко-голубыми глазами и её нежной приветливой улыбки. Так они познакомились. С этого дня началась их дружба. Через год Иван Васильевич делает Тале предложение. Они обручились. Таля, как все девушки-невесты, готовила приданое: училась премудрости кулинарии, умению ухаживать за скотиной, экономно вести хозяйство. К свадьбе у неё было готово пикейное покрывало со сложным орнаментом ручной работы. Бывая в монастырях, она в совершенстве освоила сложный вид шитья – филейную работу. И сейчас живы ее рушники и наволочки. Она любила звенеть коклюшками, выплетая замысловатые узоры мерных кружев, которые использовались в будущем как прошвы. Наталья была девушкой самостоятельной, на все имела свое мнение, но спорить не любила. Говорила тихо, но твердо. Она была верующей, с твердыми моральными устоями и традициями. В этой хрупкой, маленькой женщине таилась огромная воля, сила духа и очень много любви.

Она была настоящей красавицей. Лучистые глаза и румяные щечки. Позже, когда в моду вошли бледные, утомленные лица, бабуля пила уксус, чтобы хоть немного притушить румянец. А как она легко танцевала. На маскарадах брала призы, уже будучи мамой троих детей. Любила одеваться в мужское платье. Как обворожительно улыбалась, как певуча была её речь, и в каждом её движении сквозила грация и утонченный природный вкус.

Бывшая дача Леонтьевых-Александровых. Разлив 1953 г.

Иван Васильевич Леонтьев 1900 г

Леонтьев Александр Иванович 1903 г.р. – 1958 г.

Наталья Степановна Ипатова-Леонтьева-Клевиц 1939 г.

Сосновый бор за озером издавна был любим заводчанами. Сюда на лодках приезжали за грибами, ягодами и просто на пикники. И часто, любуясь местными красотами, мечтали, чтобы это место для прогулок стало местом для жилья. И, наконец, эта мечта свершилась.

Было время:

воды были чистыми, жители речистыми

И огромны семьи, и просторны сени.

В баню – по субботам, в храм по воскресеньям.

Мой дед, Иван Васильевич Леонтьев, получил участок для застройки на высоком берегу, над озером. Правда площадь участка была невелика. Всего 10 соток. Но зато какой вид!

Освободив участок от лишних сосен, бригада финнов стала рубить времянку. Располагалась она ближе к дороге, современная Разливная наб., которая раньше звалась Еврейским переулком (по названию старого кладбища, что соседствовало с нашим забором). Времянка строилась на время, а оказалось – навсегда. Бревно было бросовое, сырое, из тех сосен, что срубили. Поперёк, закрыв дом от северного ветра, разместили баню и дровяник. По забору, со стороны кладбища, поставили хлев с вольером и летний туалет. Почти на середине двора вырыли колодец. Он был деревянный, рубленый, глубиной почти 9 м, внизу дубовая бочка без дна, а из-под неё бил живой ключ-родничок.

Наступает 1900 год. Дедушка Иван Васильевич обвенчался в сестрорецкой церкви св. апп. Петра и Павла с Натальей Степановной и уезжает в Финляндию, в г. Иматра в свадебное путешествие. Отныне они супруги Леонтьевы. Родители Натальи, благословив молодых, подарили семейную реликвию – икону Николая Чудотворца и кулинарную книгу Елены Молоховец. Молодожены въезжают во времянку, обустроиваются и начинается их совместная, счастливая семейная жизнь на Новом месте.

Каким был посёлок Разлив в то время? Пять главных улиц со 2-й по 6-ю называли Тарховскими, а первой – нет, ее назвали – Большой Петербургской, позже Петроградской, Большой Ленинградской, а теперь это улица Мосина. Она была главной

дорогой из Сестрорецка на Санкт-Петербург. Здесь шли орловские тяжеловозы с грузом, а старые клячи везли в последний путь усопшего. Пролетали молодые рысаки с почтой и шикарные тройки звенели на масленицу.

Перпендикулярно Тарховским улицам были пробиты три Поперечные улицы и улица Жукова (поперечная), продолжением её была улица Граничная. А были и сохранились маленькая, коротенькая Верхняя улица и длинная прямая, как стрела, Пантелеймоновская (ныне Советский пр.) и Тарховский пр. – ей параллельный. К Новому месту также относились улицы Слобода, Магазинная, Петровская набережная и Гагаринские улицы (Гагаринская и Новая Гагаринская), а также Малая Ленинградская.

Молодой супруг, озабоченный стройкой, часто задерживается на работе. Имея хороший заработок и получая жалование золотом, он все равно ещё берет кредит в банке, чтобы построить красивую дачу с модным интерьером и привлекательным садом. Следуя традиции, артельщики-строители под первый венец на четыре угла кладут по серебряному рублю – на счастье. Любимой цифрой деда была «семёрка». И он долго борется, чтобы дом получил номер «7».

И вот дача построена, окрашена, прибиты последние резные «кружева». Хозяин спрашивает: «Какова гарантия?». Артельщики отвечают: «Более 100 лет, хозяин!». И можно бы поставить точку, Но нет. Бабушка изъявила желание иметь собственную купальню. Сделали. Это была дощатая будка на сваях, которая стояла в воде. От калитки до купальни шли деревянные ступеньки. Открываешь дверь, вешаешь халат или полотенце на крюк, и плюх голышом в воду! Несравнимое удовольствие!

У бабушки Тали был прекрасный вкус. Сидя дома, она выбирала мебель по каталогу, а дедушка заказывал ее в Санкт-Петербурге. Точно также поступили с покупкой гардин, штор, покрывал и тяжелой чугунной кухонной утвари.

Параллельно с убранством дачи шло декорирование приусадебного участка. По периметру всего участка поставили сквозной забор из штакетника. Солнце свободно проходило сквозь рейки, бросая ажурную тень на песок. Весь участок

после выкорчевки сосен был похож на песчаную дюну цвета яичного желтка. Ноги утопали в песке по щиколотку, и много песка заносилось в дом. Надо было продумать хотя бы самые главные дорожки. На участке были три калитки и одни ворота. Одна калитка вела на озеро в сторону купальни, вторая, главная, с выходом на берег и на пирс. Через эту калитку входили дачники в дом. Главную дорожку оформили красным битым кирпичом и хорошо утрамбовали. Вдоль высадили низкорослые голубые ели из питомника. Все выглядело очень красиво и торжественно. Недалеко от дорожки слева высадили два взрослых клена для гамака. (Эти клены сохранились до сих пор. И на них все так же, уже чужие люди, цепляют гамак). Дача угловая, и любоваться красотой берега и огромной панорамой воды ничто не мешало.

Справа от красной дорожки устроили площадку для игры в крокет. Песок частично убрали, выровняли поверхность, привезли особую глину. Опять выровняли, сделали бортики, чтобы при ветре песок не сразу засыпал площадку. И, пожалуйста, играйте. После войны я на этой площадке играла в мячик, немного в крокет – из того, что осталось. Но меня поражало другое: «Почему эта глина никогда не раскисала»?

Так как весь двор была одна сплошная дюна, и песок кочевал из угла в угол, даже наметая небольшие барханы, нужно было срочно сажать кустарники. Что любит песок? Ну, конечно, сирень. Дедушка поехал в питомник и привез прекрасные кусты махровой белой, синей и лиловой сирени. Кусты быстро разрослись. Влажные ароматные кисти дурманили голову и очень украшали наш двор. Небольшой кусочек земли между временкой и баней обнесли низеньким забором и решили: «Здесь будет огород». Песок ведь не вывезешь. Значит из него надо сделать чернозём. Бабушка закупила пять породистых коз да с десяток кур. Их навоз – прекрасное удобрение для бесплодной земли. Вскоре все цвело и зеленело в умелых бабушкиных руках. Козы были необычные – комёлые, то есть безрогие. Очень спокойные, в меру игривые, крепкие, статные, на высоких ногах и с небольшим на вид выменем. Но молока давали море. Семья пока была маленькая – двое. И у бабушки до рождения деток было время учиться. Из молока она делала и масло, и

сыр, и мороженое, не говоря о твороге и сметане. И куры тоже помогали. Всегда свежее яйцо на завтрак, в пирог и запеканку.

Вот и 1903-й год. Бабушка Таля ждет первенца. Дача готова. Пора сдавать. Дача открыта. Дом проветривается. Войдем? Иду по красной дорожке из толченного кирпича, вижу красивый дом, обшитый вагонкой, модно, «в елочку». Цвет – светло-зелёный, высокие окна, янтарного цвета драночная крыша. Очень прочная, если не пожар, (простояла 50 лет, я свидетель). Дранка из осины со временем становится светло-серой, а на солнце отликает серебром. Четкая линия белоснежных деревянных кружев: фронтон, карнизы, наличники и замысловато-витые балясины на высоком парадном крыльце. Вот мы и на веранде. Красивой формы расстелка окон. Две стены сплошного света. Вид на северо-восток. Легкие полупрозрачные занавеси спадают с широких, фигурных карнизов. По центру круглый стол, шесть стульев, кресло-качалка, узкий, длинный диванчик и небольшой, но высокий столик под самовар. А слева от входа – вешалка из оленьих рогов. Что за изумительный вид открывается отсюда. Края берега из дома не видно. Кажется, что дом плывет по воде. Впереди Заячий остров, позже названный Козьим. Виден пешеходный Офицерский мост (сейчас это автомобильно-пешеходный, от светофора на Зеленогорск). Далее серебристые ивы и труба родного завода. Справа яхт-клуб и спасательная станция.

От завода до песчаной косы, где сейчас Водоканал, эта водная гладь называется Малый Разлив. А Большой Разлив, или Открытый – это за косой, за Водоканалом, в границах: Тарховка, Шалаш, Гладкое болото.

Из веранды попадаем в большую гостиную. Два высоких окна украшены ламбрекеном в тон золотистого шелка основных штор. Мебель в стиле модерн. Обивка – бордо. Бархат с позолоченной окантовкой. Шторы подхвачены лентой с кистями. Два дивана с изогнутыми ножками и пуфик. На стене в простой деревянной раме – венецианское зеркало. Между окон небольшое бюро для письма и рукоделия. На полу большой пушистый ковер. Слева в углу часть большой голландской печи. Топка из гостиной. Летом использовали ее как камин, любуясь на огонь, не закрывая выюшку. Двери во всем доме высокие, филёнчатые, белые, распашные.

Проходим дальше. Следующая за гостиной – комната для прислуги (в отсутствие прислуги использовалась как дополнительная спальня) в одно окно с видом на озеро выходит на север.

До революции здесь обычно жили две – три девушки: кухарка, горничная и бонна. Дверь из гостиной плотно закрывалась, а прислуга выходила прямо на кухню через такие же распашные двери. Идем по кругу. Из комнаты прислуги попадаем на кухню. Одно большое светлое окно выходит на запад. Летом здесь жарко только вечером, а утром и днем прохладно. А готовят всегда в первой половине дня. И значит, всегда комфортно.

О необычной плите нужно рассказать отдельно. Для повара кухня очень удобная, её площадь 14 кв.м. Нижняя часть плиты обычная: широкая дверца для духовки, верхняя слева – для дров, маленькая, нижняя – зольник. Зола нужно регулярно выгребать. В стояке три вьюшки – две плоские и одна круглая, для трубы самовара. Ведь самовар кипел почти целый день, особенно в жару. А вот покрытие данной плиты – уникальное. Дедушка заказал на своем заводе цельный чугунный лист без конфорок толщиной 1,5 см. (он и сегодня мне служит – о него я обстукиваю обувь, когда вхожу в дом). Что хорошего в таком покрытии? Равномерно греет, по центру еда кипит. Чуть отодвинешь – томится или тушится. Никогда ничего не «убежит», не пригорит, ведь открытого огня нет. А какое на нем получалось варенье – ягодка к ягодке. И экономно. Можно уже и дрова не подкладывать, а она все работает. А в сырую погоду – ровное, долгое тепло.

Окно летом всегда открыто. В него часто заглядывали любопытные козы, воруя пакетики с крупой у зазевавшейся кухарки, а то и остывающую выпечку, оставленную на подоконнике. Тогда беда... Шум, гам... Останутся хозяева без сладкого. Козы любили заглядывать в окно, потому что их угощали: то морковкой, то капустным листиком. А когда не угощали, они брали сами. В углу между окном и дверью размещался медный раковина с медной мойкой.

Из кухни шли еще две двери: одна в хозяйские покои, другая – широкая, теплая, обитая теплым войлоком, выходила в холодный коридор с туалетом и далее на черное крыльцо. Из

этого коридора шла лестница на второй этаж. От черного коридора, минуя поворот к лестнице, шел еще небольшой коридорчик с незаметной дверью на улицу. Это был пожарный, запасной выход. Он закрывался на крюк, и никогда – на замок. Эта была третья дверь в даче. С улицы она была не видна, так как рисунок вагонки был тщательно подогнан, и не было крыльца, а вместо него стояла широкая скамья, служившая первой ступенькой. Здесь любила отдыхать прислуга. Поднимаясь по лестности вверх, видим небольшое квадратное окно для света.

На втором этаже три комнаты по 12 метров. Центральная – с балконом, выходит на север, с роскошным видом на озеро и окрестности. Внизу крутой песчаный склон, справа – купальня, слева – пляж с одинокой сосной.

Еще до 1960-х годов здесь была дюна – от старого еврейского кладбища шла крутая гора. Мы, школьники приходили сюда кататься на лыжах. От высоты захватывало дух. А теперь горы нет, вместо пляжа – равнина. А у раритетной сосны, которой около 200 лет – обнажены все корни. А совсем недавно они были закрыты плотным слоем песка. И это ее спасало. А сейчас один порыв шквалистого ветра – и нет моей любимицы! Каждую весну, как сойдет снег, я иду обнять её, прижаться щекой и сказать: «Живи, держись, радуй!»! Голые корни, высоко поднятые над землей, такие беззащитные, такие ранимые... И находятся изуверы, разжигающие костер для шашлыка прямо на корнях. В наше время клочок равнины с уникальной сосной называют «пляж у сосны». Он пользуется популярностью у ближних дачников до сих пор.

После полного завершения строительства и убранства дома и сада был приглашен батюшка для освящения дома. Стояла ранняя весна 1904 года. Меблированная дача была готова принять первых постояльцев.

В отдел рекламы отправили письмо с объявлением, приблизительно такого содержания: «В одном километре от Сестрорецка, что под Санкт-Петербургом, в местечке Новое Место, на берегу озера сдается *меблированная дача с удобствами* с мая по октябрь месяц с удобствами. Адрес: Новое Место, Еврейский переулок, дом 7».

Дачи были и будут трех видов.

– государственные дачи. Они предоставлялись за заслуги перед отечеством, за ратные подвиги, за служебное рвение, за победы на научном и культурном поприще.

– собственные дачи, построенные на собственные сбережения. Пустующие дачи ждали своих владельцев в любое время года.

– дача внаем. Её снимали только на летний сезон, с мая по октябрь для одной семьи с прислугой.

Наша дача изначально была задумана дедом Иваном Васильевичем как временный доходный дом, как финансовая поддержка будущей большой семьи (он как будто предчувствовал свой ранний уход). Дедушка мечтал, что скоро расплатится с кредитом, сдавать больше не будет, увеличивающаяся семья переедет в большой дом. И был уверен, что благодаря воле, сноровке и светлой голове заработает на безбедную жизнь для своей горячо любимой семьи. Планам деда сбыться не удалось. В 1916 году в возрасте 46 лет его не стало. Потом революция, войны, лихолетье. Кредит он успел выплатить в 1915 году. Тогда же и дом застраховал от пожара и сдал Приемной Госкомиссии. По документам сдача большого дома зарегистрирована в 1915 году. С лицевой стороны на уровне второго этажа разместили медную табличку в виде овала. На ней изображен герб Санкт-Петербурга. Другие хозяева домов писали свои фамилии или дату постройки. Эта табличка цела. Храню её в своем архиве.

1913 год. Празднуется 300-летие дома Романовых. Широко отмечается, с размахом. Много грандиозных мероприятий прошло в тот год. На одном из них, в Мариинском театре, были и мои предки. На каждом сидении в честь праздника и в партере, и в ложе лежала подарочная коробка шоколадных конфет, а также юбилейный номер «Петербургских ведомостей».

Итак, возвращаюсь к объявлению. Каковы же преимущества дачи, сдаваемой внаём, и о каких удобствах говорилось? Это прекрасное место для отдыха у воды; большой светлый и уютный дом, площадью 125 кв.м; нет необходимости везти мебель, убранство дачи, чугунки, сковородки для кухни, а также дачу сторожить и ремонтировать; ключевая вода из колодца.

За отдельную плату предоставлялись: дрова для печей, свежее яйцо, парное козье молоко, зелень. Разрешалось пользо-

ваться купальней и баней; для прогулок по воде предоставлялись яхта и прогулочная лодка, а также гамак, городки, крокет.

Первым и единственным дачником до 1917 года был один из артистов Мариинского театра со своей семьей и, конечно, прислугой. К нему часто приезжали друзья.

Дачный досуг. Времяпрепровождение с 1904 по 1917 гг.

«Отдых – означает свободное дыхание».

Ранним утром любители рыбалки уходят ловить рыбу когда на лодке, когда у берега с пирса. Рыба давно прикормлена, клюет хорошо, и через два – три часа завтрак готов: три больших окуня, жирный подлещик и молоденький судак.

Завтракают на веранде. В легкой беседе, шутках и планах на день проходит утро. Когда ждут гостя, договариваются, кто пойдет встречать его на вокзал. Любители поплавать спускаются к берегу. А молодежь берет лодку. Свежий ветер под парусом или на веслах веселит душу, молодит тело. Благо ветер у нас всегда, лишь меняет направление каждые четыре часа. Часам к 14 – обед, а потом – тихий час. Старшее поколение идет подремать в мансарду, среднее – читает новости из газет вслух. Дамы в креслах заняты вышивкой. Острая статья часто вызывала бурную дискуссию.

После отдыха – легкий полдник. Далее – прогулка по посёлку. Дамы с кавалерами при шляпах и зонтах оглядывали весёлые пёстрые дачки и друг друга. Левретки на руках встречных дам выясняли свои отношения, пытаясь доказать всем окружающим, что её хозяйка самая умная, красивая и лучше всех одета.

*Ах, Разлив, мой Разлив!
Пестренькие дачки,
Старожил здесь пожилой,
Да шустрые собачки!*

Новое место, а позднее Разлив, был весь застроен приблизительно к 1905 году. Г. Колесников открывает большой лабаз на углу 2-й Тарховской и 2-й Поперечной. Место выбрано чрезвычайно удобное – на перекрестке двух дорог и четырёх

направлений. Выбор свежайших продуктов был отменный. Этот старинный продуктовый магазин славен не только своим долгожительством, но уникальным подвалом и тем, что во время блокады он не закрывался, а оставался единственным кормильцем для разливанчан, где отоваривали карточки. (По другим источникам магазин до революции был перекуплен г. Лафером – предпринимателем и жителем Разлива).

В любом случае, и дачники, и местное население любовно называли его «деревяшка». Как магазин он достойно нес свою вахту до осени 2012 года. Не выдержав конкуренции, магазин закрыли.¹

Прикроем на минуту глаза и увидим яркий, радостный, новенький с иголочки Разлив. Домики разноцветные: синие, голубые, чаще зеленые и красно-коричневые, реже бежевые и желтые. Все участки обнесены фигурным штакетником.

Редкие дома выходят фасадом прямо на дорогу. Чаще отступая от нее. А перед домом – обязательный палисад с пушистой сиренью и яркими георгинами. За домом – хозяйственные постройки и огород. И вся эта пёстрая красота обрамлена уникальной деревянной резьбой ручной работы. Это – карнизы, наличники и подзоры. Белоснежно-сахарные, так и манят их надкусить. После прогулки кого-то тянет понежиться в гамаке, а другие рвутся сразиться на крокетном поле. Дети под присмотром бонны слушают сказки или резвятся вдали от взрослых. Прислуга готовит самовар для вечернего чая во дворе.

Тихий, теплый вечер угасает. Солнце садится, золотя стволы и величавые макушки сосен. Аромат хвои усиливается. Невслышно надвигаются сумерки. Огней не зажигают... Через открытые двери веранды слышен легкий всплеск воды и скрип уключин. К берегу подходит лодка. И снова тишина... Все в легком оцепенении, опьяненные красотой этого дивного вечера. Блаженное состояние немого восторга. Так можно сидеть часам, молчать, слушать тишину, омывая свою душу. Одним словом – су-мер-ни-чать...

После смерти любимого мужа Ивана Васильевича Леонтьева в 1916 году бабушка Наталья Степановна два года вдовья,

¹ Есть надежда, что этот магазин откроется снова. Прим. ред.

пошла работать надомницей в Пассаж. Брала заказы на шитье лайковых перчаток. Два суровых года одна содержала семью и дом. В 1918 году принимает предложение и выходит замуж за Андрея Константиновича Клевица. Старший сын Натальи Степановны, Александр Иванович Леонтьев, не желая жить с отчимом, уходит из семьи в возрасте 15 лет и поступает в военное училище. В этом же 1918 году семья Андрея Клевица уезжает на Урал. Так как он являлся членом Реввоенсовета с правом решающего голоса, Управление Оружейного завода и партия поручила ему отбыть с семьей, женой и падчерицей Зоей девяти лет в г. Камышлов Екатеринбургской губернии для создания оружейной мастерской и распространения оружия среди местных красногвардейцев против Колчака. Там же на чужбине в 1919 году родился их общий первенец Константин.

Вернулась семья на родину в Разлив только в июне 1922 года. А 3 июля рождается второй общий ребенок – Павел. Дача разграблена. Кругом голод, голо, пусто, дико... Все надо начинать сначала. Отмыли, оклеили, закупили скромную подержанную мебель и к 1923 году были готовы к приему дачников. Дачники «нового времени» были по духу «старыми». Мягкими, искренними, доброжелательными, но – бедными. Поэтому наша чудная дача вскоре превратилась в коммуналку. Приезжие горожане ходили по улицам, глядя на окна. Если видели на стекле белый билетик, значит, дача сдается. Снимали по одной комнате – кухня общая. Где не было кухни – её делали из веранды. Если комнаты проходные – шли по цене одной. Первые годы после Гражданской войны дачников почти не было. Увидев наши хоромы, они пугались и лепетали: «Нам бы сарайчик, да подешевле». На что бабушка их вразумляла: «Сарай занят дровами. А большие светлые комнаты идут по цене сарая».

Вскоре нам повезло. В 1925 году нашу дачу облюбовала большая профессорская семья. Здесь были тети, дяди, племянники, дочери-подростки, жена и, конечно, прислуга. Дача снова засветилась и ожила. То тут, то там слышался шепот и девичий смех. И эти предвоенные 16 лет были снова счастливыми для бабушки Тали (как и 16 лет предреволюционных). У Натальи Степановны и Андрея Константиновича подрас-

тали три сына – Константин, Павел и Вячеслав. Все статные, здоровые, спортивные, воспитанные в духе любви к родителям и отечеству. Старший мечтал о море, увлекался механикой, средний – Павел хотел помогать людям в беде, закончил перед войной школу ЛООСВОДа и стал водолазом. У младшего ещё был ветер в голове, он пока не определился.

Бабушка Таля занималась хозяйством. В редкие свободные часы – рукоделием. Единственной дочкой в семье была моя мама, Зоя Ивановна Леонтьевна 1909 года рождения. Окончив коммерческую школу в 1929 году, она поступает на завод. Работает контролёром. В 1939-м выходит замуж за Александра Михаила Николаевича, ведущего конструктора завода, а 1940 году родилась я. Бабушка души не чаяла во мне. Большую долю женских забот по дому моя мама брала на себя. Шли годы, бабушка слабела. На земле хозяйствовал дед Андрей. Здесь ему не было равных. В саду пестрели разные многолетники, яркие, красочные. Но гордостью хозяина были георгины. Дед Андрей занимался селекцией – выведением новых сортов. А в блокаду они, георгины, его сгубили. Он их жарил, варил, как картошку и ел – один. А в корнях – яд. Так 23 марта 1942 года его не стало. Похоронили на блокадном кладбище в Тарховке.

Благодаря органическому удобрению, которое давали козочки, в огороде под открытым небом росло всё! Овощи, зелень. А с огурцами он проводил хитрые опыты. Собирая аптечные пузырьки и флаконы из-под духов, дед брал завязь огурчиков и проталкивал их вовнутрь этой «тары», а плети огуречные забрасывал на яблоню, вишню, рябину – все, что росло рядом. И солнце, играя на стекляшках, превращало это дерево в радужную сказку. А тихий ветер качал флакончики, они стукались, мелодично звеня. Проходило время, огурец рос, рос и принимал причудливую форму пузырька. Срезая, дед гордился своей выдумкой и дарил дачникам и гостям. Разбив стеклянный футляр, доставал огурец и подавал на стол. Удивлению присутствующих не было предела!

Думая о будущем, весной 1941 года дед закупил дранку на оба дома. Крыши уже требовали ремонта.

До самой войны на нашей даче жило уже второе поколение профессорской семьи, и 22 июня 1941 года она встретила с нами

в Разливе. Война! Объявлена срочная мобилизация. Дачники спешно собирали вещи, плача прощались, обнимая бабушку, шептали: «Свидимся ли?» и торопливо шли на вокзал. У сестрорецкого военкомата – очередь. Призывники и добровольцы – все рвутся на фронт. У бабушки Тали большой военный опыт. Она обстоятельно, со знанием дела собирала вещмешки четверых – моего отца, Михаила Николаевича Александрова, моих дядей Константина, Павла, Вячеслава Клевиц, а пятый дядя, Леонтьев Александр Иванович, оставался на Ленинградском фронте. Так, внезапно оборвалось беззаботное дачное лето 1941 года. В Разливе стало пусто и сиротливо.

27 января 1944 года победоносная советская армия освободила наш прекрасный Ленинград от блокады. А в августе мы вместе с бабушкой и мамой вернулись из эвакуации из Ярославля. Трудности возвращения были невероятные. Сестрорецкий военкомат отписал маме, что нам надлежит срочно ехать в Выборг. Там нужны были молодые рабочие руки на его восстановление. Еще в поезде по дороге на Ленинград они знали, что вначале приедут домой – поклониться пепелищу, а потом – как получится. Ну, вот мы и дома. С поезда шли напрямки. Не огибая улиц, через дворы. Ведь заборов ни у кого не было. Да и людей не встречали. Мы были первыми возвращенцами. Подходим к нашей улице и видим родимые крыши. Вид домов плачевен: стекла выбиты, и рамы не везде, крылец нет, забора нет, электропроводка и та срезана. А по полу шныряют огромные рыжие крысы. А травища – высокая, высокая. Меня во дворе потеряли.

Но мои бабушка и мама были так счастливы, что дома стоят, стены целы, крыша прохудилась и страшно течёт, но на месте. А порядок – дело времени. Если во времянке кое-какая мебель была, то в даче абсолютно пусто. И среди этой пустоты в центре большой комнаты стоят 20 швейных машин «Зингер».

Видимо кто-то собрал их вместе, чтобы вывезти, но мы помешали. Из столешниц этих машин вскоре сделали столы, во времянке оказалось несколько железных солдатских кроватей, кое-какие колченогие стулья починили, из марли мама сшила пышные занавески, и, наконец, купили две керосинки. К весне 1946 года дача была полностью обустроена.

Конец апреля 1945 года. Солнце светило ярко, и днём бывало достаточно тепло. Птиц почти не было. Но вот появилась одна пичужка, голосок звонкий, переливчатый. «Век бы слушала», – сказала бабушка Таля, – вот ведь какая кроха, а сколько радости и надежды дает человеку». Погладив меня по голове, шепотом добавила: «Внученька, у тебя через неделю юбилей, ровно пять лет исполнится». Мы сидели на разбитом крыльце, обнявшись, и мне было так хорошо.

Но бабушка последний месяц жила в большой тревоге. От милого сыночка Пали давно не было весточки. Последнее письмо пришло в феврале. Неожиданно из-за дома появился солдатик в венной форме. Увидев нас, прямо с ходу сунул бабушке белый лист с черной полосой и спешно удалился. Я тогда не понимала, что это похоронка, и что с этой минуты перевернется мир в нашем доме. Ведь мама нам каждый день говорила: «Войне конец. Скоро все наши вернуться живыми и невредимыми».

Дома мы были одни, мама работала на заводе им. Сталина². Уезжала в 6 утра на паровичке, возвращалась ночью, 2 часа туда, 2 обратно, плюс трамвай. Итого 5 часов на дорогу. Бабуля трясущимися руками развернула лист, увидела имя, вскрикнула и упала навзничь. Уже солнце зашло, а мы так и сидим голодные и замерзшие. Входя в дом в полной темноте, ночью, мама наткнулась на нас, спящих на крыльце. С тех пор бабуля онемела, была тихая и никого не узнавала. Иногда приходила в сознание, садилась на кровать, подняв подушку, и чистым, звонким голосом выводила свою любимую песню: «Далеко, далеко, где кочуют туманы, где от слабого ветра колышется рожь, в старом домике ты, у степного кургана, одиноко и тихо, как прежде живешь». Я сидела рядом тихо, не шелохнувшись. Недопев до середины, взгляд угасал, и она снова уходила в себя. Мама с работы уволилась. За бабушкой нужен был постоянный присмотр. Все восемь лет я при бабушке была няней. Не дожив трех дней до 70-летия, 11 августа 1952 года бабули, Натальи Степановны Леонтьевой-Клевиц, не стало. Похоронили её на сестрорецком кладбище.

² Ленинградский Металлический завод, ныне «Силовые машины». Прим. ред.

Известие о Победе, о капитуляции, о долгожданном мире к нам пришло из «черной тарелки» – репродуктора.

Дядя Паля (Клевиц Павел Андреевич) за эту победу отдал свою молодую жизнь. Моей семьи печаль, боль и гордость. Писал ты маме часто, отправлял треугольники писем.

Мама жди! Я пока что живой.

Я иду по Германии. Скоро, скоро домой.

На высоте шёл бой. Смертельно ранен был лейтенант молодой. Двое суток ты бредил, стонал, но держался:

Мне б до дома дойти, доползти, дотянуться,

Окропить мои раны разливской водицей,

Насмотреться на милые лица,

Заглянуть бы в глаза, да душою омыться.

Твой адрес навечно в чужой стороне: Польша. Военное кладбище, г. Штаргард–Щетински, могила № 101.

Война окончена. Возвращаются родные из эвакуации и фронтов. Первым возвращается дядя Шура (Леонтьев Александр Иванович). Он был ближе всех – на Ленинградском фронте. Комдив, подполковник. Его ждали жена и двое детей. Высокий, слегка сутулый, умеющий слушать, решительный и ответственный. С хорошим чувством юмора. Умер в 1958 году. Похоронен в Сестрорецке.

Дядя Котя (Клевиц Константин Андреевич). Вернулся с фронта в конце мая 1945 года. Я была во дворе. Вижу с берега во двор быстрым шагом идет молодой человек в шлеме. Увидев меня, широко улыбнулся, блеснув металлическими зубами: «Привет, племяшка!». Среднего роста, красивый, улыбчивый, с яркими голубыми глазами и копной курчавых пепельных волос сержант-танкист, дошел до Берлина. Стоял у рейхстага. С ним в дом ненадолго вошли веселье и музыка. Он привез всем небольшие сувениры и трофейный приемник для себя. Вскоре он женился и покинул нас. Свою мечту о море осуществил в сыне Александре – морском офицере. Всю жизнь проработал на Сестрорецком заводе слесарем. Был настоящим мастером, скромным и деловым, как наши предки.

Отец – Александров Михаил Николаевич. Вернулся с фронта в 1946 году, а 1947-м родители расстались. Работал ведущим конструктором на Сестрорецком заводе. Обладая кра-

сивым голосом – басом, по вечерам нам с мамой пел военные песни под гитару, чаще других звучали песни: «На солнечной поляночке», «Землянка», «Огонек» и «Темная ночь». А ещё помню, как крутил мне ухо, за то, что я, рисуя, тупила и ломала его карандаши.

Дядя Вячек (Вячеслав Андреевич Клевиц). Официальная бумага о его пропаже без вести пришла в 1943 году. Но в 1958-м он неожиданно объявился в Разливе. 15 лет его жизни канули для нас в неизвестность. Возможно, был арестован, потом ссылка без права переписки. До возвращения в Разлив жил в Мордовии, был женат. Имел сына. Сам он ничего о себе не рассказывал. В Сестрорецке женился второй раз. Работал лесничим. Умер в 2002 году, похоронен на Сестрорецком кладбище.

Разлив оживал. Постепенно возвращались его жители. Начинался период восстановления, трудное возвращение к мирной жизни. Люди выглядели усталыми, худыми, с серыми лицами, одетые во что попало. Моя мама в мае носила валенки – нечего было обуть.

В Разливе открываются два промтоварных магазина на углу Б. Ленинградской и 1-й Поперечной в доме Дроздовых и на углу 2-й Поперечной и Б. Ленинградской. Мы с мамой их тоже посетили, купили марлю на окна и несколько метров вафельной ткани для полотенец. Ещё один продуктовый магазин открыли в частном доме по адресу Б. Ленинградская, д. № 50. Он стоял на очень удобном месте. Рабочие по дороге домой всегда могли купить продукты.

Несколько слов о старом Разливском вокзале. Низкая дощатая платформа, касса с малюсеньким окошком и тусклым светом внутри. А билеты были твердые, картонные, прямоугольные. Их не потеряешь и не сомнешь. Вокзал был длинный, крытый с односкатной крышей. Паровик ходил редко. До Ленинграда шел два с половиной часа. Подходя, он шумно выдыхал, шипел и давал долгий гудок. Стоял около 15 минут. Часов в домах почти ни у кого не было. Поэтому, заслышав гудок, соскакивали с постели, накидывали на голые плечи драные военные полушубки и, взяв в охапку одежду и авоську с завтраком, стремглав неслись к поезду. Ступеньки у паровика были высокими. И надо было приложить немало усилий, чтобы войти

внутри вагона. У туалета образовывалась очередь. Все спешили скорее одеться. Позже у платформы установили памятник В.И. Ленину – необычный, даже редкий.³ Вождь сидит, прислонившись к стволу дерева. Разливские дети, на вопрос: «Кто это?», отвечали: «Дедушка Ленин отдыхает». «Музей-Сарай» В.И. Ленина после войны начал работать с 9 мая 1946 года. Здесь сам Николай Александрович Емельянов после возвращения из ссылки водил экскурсии и принимал в пионеры.

Весна 1946 года была ранняя, теплая. Мне шесть лет. Однажды утром за чаем мама говорит мне: «Ируся, сегодня воскресенье, придут поезда с дачниками. На Большой Ленинградской все уже сдали дачи, а до нас все ещё не дошли. Тебе предстоит выполнить очень важное задание. Пойдешь на вокзал, дождешься поезда, найдешь в толпе дачников и приведешь ко мне. Это просто – не тушуйся».

– Да как же я узнаю, – возразила я.

– Они весёлые, хорошо одетые, от них пахнет духами, с маленькими сумочками, а не с торбой хозяйственной. И, увидев похожих, смело подходи и громко спрашивай: «Вам дача нужна?». Если они кивнут, тогда веди домой.

Встретила и повела домой. По дороге я тараторила без умолку. Незнакомые люди узнали от меня, что мама дома, моет окна, что наша дача на Разливной, 7, на берегу Разлива, что комнат у нас семь, и что отец еще на фронте, и что котка зовут Барсик.

Так наша дача на три года стала приютом для блокадных, питерских ребятишек. Это были детсады и детские ясли. В те трудные, послевоенные годы снимали частные дома, а точнее, целые улицы. Детки были худенькие, тихие и серьезные. Шалить и бегать не умели, а, может, не было сил.

Забор, спаленный во время войны, восстановить не успели. А вода в трех шагах. Воспитателем была нагрузка – ой-ё-ёй. Они были как курочки-наседки. И ни одной неприятности за три года не случилось.

В нашей даче был спальный корпус для ребят 3–5 лет. А в маленьком доме, где жила наша семья, комнату с верандой взяли под лазарет. Сами же мы жили с больной бабушкой на

³ Памятник работы скульптора Г.Д. Гликмана установлен в 1955 г.

кухне. В доме № 18 по Разливной набережной также были детские спальни. Второй этаж занимали воспитатели, медсестры и дневные няни. А второй этаж в доме № 2 выбрали заведующая с врачом. Столовую организовали на большой светлой террасе на ул. Жукова, 8. Там же была кухня и спальня для кухарок.

По воскресеньям к детям приезжали родители. Восхищались красотой нашего озера и уводили деток на берег. Расстилали байковые одеяльца, усаживаясь группами. Дети щебетали, шептались, поминутно таская что-то из пакетиков. Однажды мы с мамой ушли из дома надолго. Вернувшись – обомлели... У меня от удивления даже рот открылся. В центре двора стоял корабль из песка, метров 5 – 6. Он был вырыт на глубину полметра, со скамейками, бортами, острым носом, рубкой с рулем, и высокой деревянной мачтой. Детей не было видно, был тихий час. И родители, взяв лопаты, с художественной выдумкой и мастерством сотворили это чудо, желая увидеть улыбку радости и удивления своих чад при их пробуждении. Прошло много лет, а детский восторг от встречи с прекрасным остался навсегда.

1949 год

*Я хожу по улицам в поисках твоего лица.
Вижу незнакомец, сравниваю ген,
Думала, что дачник, ан – нет... абориген.*

К 1949 году съём частных дач для детсадов и яслей закончился. К этому времени советское государство уже построило сады и ясли в красивейших местах Ленинградской области. Весной 1949 года пришли первые послевоенные дачники. Так как у хозяев из мебели было шаром покати – везли все из Ленинграда. Нанимали полуторку, нагружали доверху и вперед. Здесь были оттоманки с клопами, дырявые стулья, кухонные колченогие столы, огромные потертые чемоданы, зеркала, тюфяки, подушки и, конечно, посуда. А на руках у хозяйки бился завернутый в авоську кот. Скарб был высокий, электропровода были сорваны. Два – три дня сидим без электричества. Машина к дому подъехать не могла. Песок вязкий, зыбучий. Вещи относили на руках. А грузовик почти сутки откапывали всей

улицей. Соседи давали советы, кто-то нес доски и ветки. Дачный сезон считался с 1 июня по 1 сентября, как и сейчас. Дополнительные дни за дополнительные деньги.

Каждую весну стены в даче оклеивали свежими обоями. Покупали веселенькие да дешевенькие. Потолки высокие, 3,5 м – маме одной клеить тяжело. И я охотно помогала ей. Мама влезала на стол, потом на стул, там и стояла. Заранее отмеренные и подогнанные куски на полу, я обильно мажу их щёткой с вареным клейстером. И старательно тянусь вверх, подавая влажное полотнище. Вот оно спускается, и я старательно выравниваю низ полотнища и закрепляю английскими булавками. Мне уже девять лет. Я большая мамина помощница. В даче семь комнат, да кухня. Только успевай крутиться.

С 1949-го по 1952 год дачу сдавали «покомнатно», позже – поэтажно. А в 1954 году дачу продали. А пока муравейник «жужжит». Три семьи на первом этаже, три семьи на втором этаже. Примуса да керосинки. Это так опасно. Плиту не топили из-за отсутствия дров. Но круглую голландку топить умудрились втихаря, набрав ведро сосновых шишек. Их в изобилии падало от любого порыва ветра. В закутке под крышей оборудовали «кухню». Обивали стены и стол железом с целью пожарной безопасности.

Керосин дачники покупали сами. Два раза в неделю на разные улицы приезжала бочка с керосином. Зная время её приезда, хозяйки ещё с утра занимали очередь, но сами никогда не стояли в очереди. Ставили друг за другом свои баклажки, фляги, канистры, бутылки и уходили. Эта разнопёстрая очередь извивалась длинной тонкой лентой. Каждый вновь пришедший ставил свою бадью в «хвост». Никому, даже озорнику-ребёнку, не приходило в голову передвинуть, уронить или спрятать тару. В положенный час подъезжал керосинщик. По приезде громко, через рупор, пронзительно и долго извещал на весь Разлив о своем прибытии. Тут же появлялись и хозяева своих баклажек.

Дети, в том числе и я, любили запах керосина. Облепим бочку с двух сторон и восхищенно наблюдаем, как дяденька ловко разливал то большим черпаком, то маленьким. Керосин пузырился и так вкусно пах...

Керосин... Ему можно посвятить оду. Его использовали в хозяйственных целях – снимали краску, мыли кисти, очищали от ржавчины, а иногда для быстрой растопки печи сырое поле-но чуть-чуть смачивали в керосине. Он был незаменим в медицинских целях. Предварительно очистив керосин, им полоскали горло при ангине, натирали ступни ног, ставили компресс, а также активно боролись с клопами, вшами, блохами.

Здесь же в очереди договаривались сходить на Белую гору, там песок жарче, простора больше, вода мельче у берега. Такие вылазки для меня редкость. Я все больше у бабушки в няньках. На лето задавали прочесть много классической литературы, что я и делала, сидя рядом с больной бабушкой.

Горячий песок Белой горы лечил последствия рахита у блокадных детей. Мама, увидев ножки малышей, сразу отправляла родителей на пляж делать «песочное обертывание». Дети весело закапывались в горячий песок, принимали это за игру. В конце лета они уезжали загорелые, окрепшие, с прямыми ножками.

Весной 1954 года старший брат мамы, Александр Иванович Леонтьев, предлагает продать дачу. Мы с мамой остаемся в маленьком доме. А на вырученные деньги мама делает большой ремонт. Деньги быстро закончились, на жизнь снова ничего не осталось. Родители расстались в 1947 году. Помощи со стороны нет. Надо снова думать о дачниках. И с 1955 года мама сдает уже наш маленький дом. То целиком, то половину дома. А нам приходилось скитаться, то в летней пристройке, то в гнилой бане, а то и на чердаке. Баня была такой трухлявой, что можно было утром и не проснуться – завалит. Да и входили вовнутрь на четвереньках. А чердак был плох тем, что железная крыша накалялась за день и остывала только к ночи. И в ожидании прохлады мы дремали у стены дома до часу ночи. А дачники наши сладко спали в своих апартаментах. Так шли десятилетия. Одни дачники уходили без следа, другие оставались в памяти навсегда.

Работа с людьми – это большая психологическая школа познания человека. Если пришли снимать дачу и не торгуясь дают хорошую сумму, но тебе они неприятны – лучше отказать, а то будешь каяться. За 108 лет, что сдавалась наша дача, трижды встретились непорядочные люди. Пусть это послужит уроком для молодых хозяев.

Первое – обязательное составление договора, если оплата идет частями.

Второе – обязательно временная прописка, где указаны все координаты дачника.

Третье – прием помещения перед отъездом.

Вот что случилось однажды. При съеме дачи положено дать аванс. Остальная сумма оговаривается либо вся при въезде, либо частями по месяцам. В нашем случае дачники, прожив до середины июля, ночью подогнали машину, погрузили вещи и уехали, не попрощавшись и не заплатив.

Второй случай. Дачники уезжали на неделе, до моего прихода с работы. Открыв дверь в комнату, увидела полный порядок и отсутствие антикварного столика – памяти о бабушке.

В третий раз дачу сняла молодая пара. Ближе к лету молодая пара вместо себя отправила на дачу бабушку с сиделкой. Бабушка оказалась психически больной. Гольшом шла до пляжа и такой же купалась, а во дворе в таком же виде делала зарядку.

Где-то с 1955 года питерцы устали от дачных коммуналок, начинают искать дачи просторнее, с отдельной кухней и отдельным входом, дабы ни с кем не сталкиваться. Большим спросом пользовалась комната с верандой и отдельной кухней или две комнаты с кухней, или ещё лучше вдалеке от хозяев отдельный небольшой летний домик. Количество семей во дворе уже никого не угнетало. Наоборот, устраивали общее вечернее чаепитие, играли в разные игры. Выносили на двор переноску с лампочкой, вешали на стену дома или на шест и веселье продолжалось. В 1960-е годы очень популярны были танцы под радиолу. Приемник выносили на берег, подключались к ближайшему дому и танцы до полуночи! А потом веселые, разгоряченные, всей ватагой шли купаться к озеру или мыть ноги на пирсе. И снова шутки, смех. Расходились нехотя... На душе было так отчаянно весело.

Летние игры, забавы и развлечения

Отдых летом предполагает большую часть времени проводить на воздухе. А дача лучшее тому подтверждение. Только здесь можно набраться сил, восстановить здоровье, воспрянуть

духом. Чистое озеро, сухой сосновый воздух, горячий песок – всё располагало к здоровому отдыху.

В распоряжении дачников были лодка, яхта, велосипед. Очень популярны были подвижные игры: «крокет», «городки». Если в крокет играли во дворе, то в городки – на улице. Команды собирали не только из дачников, но из соседей. Особенно ценились «левши» – добивать упавшие рюхи. «Разжигать» у меня не было силы для удара, а вот умение подбирать удар слева очень ценилось.

Всегда популярным был пляжный волейбол, лапта, казаки-разбойники, «найди клад». Из спокойных игр – лото, нарды, домино, испорченный телефон, виселица (из одного длинного слова найди несколько коротких слов), а ещё игра в города, ша-рады, ребусы.

Любимым и популярным был яхт-клуб. В воскресные дни шли яхтенные гонки. Судьи находились на пирсе у нашего дома. Поднимали флаг, били в колокол. Первой всегда приходила яхта «Забава» дяди Жени Ахрапоткова. Яхта была элегантная, а Евгений Иванович – лучший спортсмен не только Разлива, но и страны.

Заячий остров, позднее – Козий, был всегда целью для хороших, сильных пловцов. А если отваживался плыть слабый пловец, его не отговаривали. Просто рядом плыла лодка, для страховки.

Озеро Разлив небольшое по размеру, но ветры сильные, волна крутая. Местами сильное течение, ямы, водовороты. Неумелые и слабые легко втягиваются в водовороты. Озеро называют коварным, холодным. В начале лета все хозяева предупреждают своих дачников, где лучше плавать и нырять.

Зимние каникулы на даче

Жители Петербурга, постоянно живущие в городе, на каникулы или на выходные всегда могут приехать на свои дачи и зимой. Приезжая раннем утром, успевали истопить печки дважды, и к ночи в промёрзшем доме было уже тепло и уютно. Сон в деревянном доме при печном отоплении всегда крепкий и спокойный. Утром, умывшись из рукомойника холодной во-

дой, полные бодрости и оптимизма вы идете на воздух. Если на озере мало снега, а ветер хорош, можно прокатиться на буере. Свежий ветер рвет парус, крепче держи руль. А вот резкий поворот и ветер пропал, парус обвис. Чуть в сторону – и ветер пойман. Резкий поворот, скрип и из-под конька брызги «горячего льда». А после обеда – катание на финских санях. Старинные кованые полозья мягко скользят по укатанной дороге. Одетый на валенок бузулук очень помогает при толчке, особенно на ледяной дороге. Сани идут споро. Мощностъ хода – «лошадиная сила». Самый лучший экомобиль без бензина и без «пробок». Если посмотреть вслед – легко определить левшу, глядя на толчковую ногу.

Было время в 1930–1940-х годах, когда предлагали гонки на «финках» включить в Олимпийские игры. В 1932 году докладывать о производственных успехах товарищу Орджоникидзе в Москву отправляется на финских санях группа передовых рабочих Сестрорецкого инструментального завода. Среди них был мой сосед, разливчанин М.И. Шушпанов. Дошли единицы, среди них Михаил Иванович. За выдержку, выносливость и скорость он был награжден карманными серебряными часами с дарственной надписью.

Лыжи зимой – самый демократичный спорт вне возраста. На любую погоду была всегда одна мазь – стеариновая свеча. Натрут ею лыжи и – вперед! Снег не липнет, движение отличное!

А можно поиграть и в волейбол – зима не помеха. По утопанному снегу попрыгать – одно удовольствие. На озере для ребятни чистят снег, создают каток. Малыши резвятся, учатся кружить пируэты и делать «ласточку». Зимний отпуск прекрасен. И не хуже летнего. Придя домой с морозца, выпьешь свежесваренного чая или горячего глинтвейна и – порядок.

Дачная кухня

У керосинки было много преимуществ. На ней быстро и легко гладили шелковые ленты, если их смочить и быстро провести по корпусу. Прекрасно варилось варенье на медленном огне – ягоды оставались целыми. Только на керосинке полу-

чалась такая золотистая, хрустящая жареная картошечка кружочками. Керосинка-печь мобильная, она легко перемещалась. В тихую, теплую погоду её выносили во двор, ставили на табурет, хозяйка садилась на маленькую скамеечку и пекла блины или оладушки. Ни тебе чада, ни копоты. В блюдечко наливалось немного растительного масла. Окунув в него половинку репчатого лука, нанизанного на вилку, смазывали чугунную сковороду. Делалось это в целях экономии растительного масла. А ещё была уникальная кастрюля (а у меня она работает до сих пор под названием чудо-печь.) В ней пекли шарлотку, кекс, штрудель. Жарили пирожки в масле, тушили овощи и рыбу. На открытый огонь чудо-печь ставилась с обязательным металлическим поддоном. 20 мин с закрытыми прорезями, и 20 с открытыми и – готово! А в наше время я её использую как форму в духовке. Всегда отличный результат. Во дворе до сих пор стоит тоже мобильная, чугунная, ажурная печь, выполненная на заказ на Сестрорецком заводе. На ней во дворе на углях жарили, коптили, варили плов, кипятили белье (чтобы в жару не топить в доме плиту). Она одна заменяет коптильню, жаровню и мангал.

В озере водилось много рыбы. И я её с детства очень люблю. Мама всем говорила, что она нашла меня не в капусте, а в рыбацкой сетке. Рыбные блюда в Разливе были всегда на первом месте. Это и рыбные котлеты с салом, суп с фрикадельками, рыба горячего копчения на ольховых щепках, а внашей семье любили кушать рыбу по-фински – тушеную в сливках.

При сыром дождливом лете иногда топили плиту и голландку. Для того чтобы шевелить дрова, вытаскивать горячие угли из печи, переносить раскаленные угли от печки к печке нужны следующие предметы кухонной утвари: кочерга, щипцы, металлический короб для хранения угля и обязательная тушилка. Без неё хороших углей для самовара не получишь. В ней легко перемещать горячие угля по деревянному дому – искра не упадет. Безопасно. Тушилка – это железная коробочка с закругленными краями с двух сторон, высотой 20 – 30 см. Крышка двигалась в пазе. К ней припаивался металлический прут с деревянной ручкой на конце.

Горячий уголь из печи клали вовнутрь и задвигали крышку. Потухший уголь уносили в специальный металлический короб для долгого хранения. Позднее эти угли использовали для разжигания самовара. Кроме чая в самоваре готовили горячие напитки, – взвар и сбитень.

28 августа 1975 года не стало моей незабвенной мамочки. Она ушла в большой праздник – Успение. Я осталась одна. Подошла весна 1976 года. Выглядела я неподобающе молодо для хозяйки дома. Никто не воспринимал меня как хозяйку дачи. На вопрос: «У Вас сдаётся?», я отвечала: «Да». А они: «Ну так позови хозяйку». Прошло 15 лет. Наступил тревожный, 1990-й. А за ним переломный, 1991-й... В одночасье рухнула советская власть.

Всякое новое время диктует свои правила. Пришло время товарно-денежных отношений. Появились откуда-то первые предприниматели. На стыке перелома, когда люди, обалдевшие от свободы, от безнаказанности, а большинство от безденежья, не знали, что делать, куда идти, как добывать хлеб насущный, как выжить?

Июнь 1991 года. Я безработная. Дача стоит пустая. Дачников нет. И я уже не надеялась сдать дачу. Как вдруг у калитки затормозила большая черная машина – джип. В светлом костюме, приятный молодой человек, поинтересовался, не сдаю ли я дачу. Я провела его в дом. Ему все понравилось. Его волновало одно обстоятельство – будут ли ещё во дворе люди?

– Да, я сдаю летний домик, – сказала я.

– Мне чужих не надо. Я беру все, – сказал он.

Так снимали дачи в первые годы рыночных отношений. Во дворе была тишина и покой. Всю дачную территорию занимали бабушка с внуком и его телохранитель.

В последующие годы снимали семьи депутатов, бизнесменов и банкиров. У меня долго не задерживались. Интеллигентные, образованные, вежливые. Они через год-два отстраивали свою дачу и от меня съезжали. Думаю – с хорошими воспоминаниями.

Наступил XXI век. Белые билетки на окнах уже не актуальны. На соискателей дач они уже не действуют. Нужны объявления через интернет, либо через агента, либо на калитку.

*«Сдается дача на летний сезон,
Спешите с ответом – мне ждать не резон.
Веранда плюс комната, первый этаж,
рядом озеро, пляж.
Есть парковка для весел, для лодки-гараж.
Звоните, звоните, жду. С уважением, мадам Кураж».*

Сдать старый деревянный дом у воды очень непросто. Молоденькие петербурженки, испорченные цивилизацией, хотят и на даче иметь городские удобства. Есть «странные люди», не ценящие дерево, зеленый палисад. Не задумываясь о здоровье своих близких, они с легкостью меняют каменные джунгли Санкт-Петербурга на джунгли Сестрорецка. Они уже не могут без воды из крана, туалета при доме, душа на улице, а лучше – бани.

Зачем прыгать с «Тарзанки», зачем лететь в шаре с Эльбруса? Я предлагаю экстремальное лето в Разливе: дедовский туалет с ямкой, недалеко помойка с крышкой, воду носить ведрами. Посуду мыть и стирать ручками на воздухе, во дворе. Белье вешать на ветер, крепить прищепками. Пусть плещется! Варить на привозном баллонном газе без духовки. А в редкие свободные минуты сесть с книжкой в гамак и уснуть, пьянея от запаха сирени, жасмина или горько-сладкой хвои.

Хорошего всем отдыха!

Э.Е. ПЕПЕЛЯЕВА

О СЕМЬЕ ЛЕСИКОВЫХ

*Со слов Эры Ефимовны Пепеляевой
(младшей дочери семьи Лесиковых)
записала Наталия Алексеевна Луцук (племянница)*

Мой отец, Лесиков Ефим Павлович, 1895 г.р., после смерти матери в возрасте 13 лет в 1908 году пришел в Петербург со Псковщины. Работал на разных работах, в том числе и мальчиком в пивном заведении, и даже краснодеревщиком. Потом переехал в Сестрорецк уже с семьей. Поступил работать на Сестрорецкий завод. Кем он начал работать на заводе – не знаю. Знаю, что он закончил рабфак, затем Сестрорецкий инструментальный техникум. После окончания работал мастером цеха № 10 и учился в вечернем институте.

Мама – Лесикова Мария Сидоровна, (девичья фамилия-Макаренкова), 1896 г.р., родилась в деревне Ермолино Великолукского района Псковской области в крестьянской семье. Помню, как мама рассказывала, что мою бабушку звали Маланьей Ивановной. У моей мамы была еще родная сестра Екатерина и брат. Когда маме было 15 лет, с ней приключилась беда. Зимой она провалилась в холодный ручей, застудила ноги и после этого перестала ходить. Однажды в дом зашла нищенка, увидела сидящую девушку и научила бабушку, как вылечить мою маму. В дубовой бочке зашпарили муравейник и посадили туда Маню. После этого она пошла. До замужества мама была в услужении у господ в Петербурге. Потом она обручилась с молодым человеком, их уже записали в церковную книгу, но Ефим Павлович отбил ее и женился на ней. Моя мама была очень красивой: глаза

*Мария Сидоровна
и Ефим Павлович Лесиковы.
1920-е гг.*

*Е.П. Лесиков.
Ленинградский фронт.
25 февраля 1944 г.*

карие, фигура статная, толстая каштановая коса аж под коленку. «У Палыча-то жена!», – говорили кругом. Началась Великая Отечественная война. В 1941 году мама работала в швейной артели им. 10-летия ВЛКСМ, где шила одежду для фронта. Мастерскую в начале войны перевели на Поклонную гору, где она продолжала работать, пока не слегла с дистрофией. Мама пережила самое тяжелое время блокады. От голодной смерти ее спас кусочек сливочного масла, который она выменяла на какие-то вещи. Потом была эвакуация по Дороге жизни и возвращение в Сестрорецк.

У моих родителей было четверо детей. Я – младшая в семье. Когда мы были маленькими, родители ходили гулять в Курзал (в нынешнем Сестрорецком Курорте). На Гагарке (Гагаринская улица) был партизанский огород, где наша семья Лесиковых сажала картошку. Отец делал своими руками мебель (после войны квартира была разграблена). Мать хорошо шила и этим зарабатывала для семьи. У отца не было вредных привычек, он был хорошим семьянином. В свободное от работы время ходил

со старшим сыном перетягивать сестроречанам мебель. Это тоже был дополнительный заработок для семьи. Напротив нашего дома на ул. Воскова, дом № 7/4 жила семья знаменитого футболиста Всеволода Боброва. Мои старшие братья и сестра Надя дружили с ним и ходили к нему домой играть. В нашей семье его называли попросту – Севка Бобров. По выходным к родителям приходили знакомые играть в лото. Наш дом был деревянный, двухэтажный, ранее принадлежал какому-то купцу. Всего в доме жило шесть семей. Мы жили на втором этаже. Окна выходили на улицу Воскова и Цемяночную улицу. Квартира состояла из двух комнат и проходной кухни. Отопление было печное. Со стороны улицы Воскова на 2-й этаж вела парадная лестница. Через два дома стояла Пожарная команда. На улицу Воскова выходило двое огромных ворот, из которых выезжали красные пожарные машины на вызовы. Напротив Пожарной команды располагалось длинное здание из красного кирпича – конюшня, где содержали лошадей.

Теперь поподробнее о членах семьи. Старший брат, Лесиков Георгий Ефимович, 1919 г.р., в 1936 году окончил сестрорецкую школу № 1 в Разливе. В 1940 году окончил Финансово-экономический институт в Ленинграде.

Второй брат, Лесиков Геннадий Ефимович, 1921 г.р., в 1940 году закончил ту же школу. Учился он на подготовительных курсах при Академии художеств, будучи рабочим завода № 218 в Ленинграде. Очень хорошо рисовал, много читал (даже по ночам), прекрасно знал историю.

С самого первого дня войны все мужчины нашей семьи записались добровольцами и ушли в ополчение из Сестрорецкого военкомата.

Отец и брат Геннадий защищали Ленинград. Отец с Пулковских высот дошел до Шверина (Германия). Брат Геннадий Ефимович стоял с частью у ворот Ленинграда – в районе Дачного, потом было тяжелое ранение в позвоночник и его освободили от службы. Когда он вернулся домой, мама сказала: «Проходи, Геня, вместе умирать будем». И брат Геннадий опять пошел воевать. Затем Невская Дубровка, где он и погиб 27 сентября 1942 года. Там он и захоронен в братской могиле на так называемом «Невском пяточке», где стоитobelisk, на котором написано его имя – политрук Лесиков Геннадий Ефимович.

Брат Георгий Ефимович после окончания института был направлен в Харьков на краткосрочные курсы в интендантскую академию, поскольку военной кафедры в институте не было. Оттуда – в Сталинград. Участвовал в Сталинградской битве, когда вышел из окружения, служил в Риге, Каунасе, Калининграде, с перерывом на командировку в Дрезден. Награжден орденом «Красной звезды». Последние годы жизни служил в Калининграде, там его могила.

Старшая сестра – Александрова Надежда Ефимовна (в девичестве Лесикова), 1922 г.р., закончила ту же школу № 1 в Разливе в 1940 году. Была прирожденной артисткой. Играла в школьных спектаклях. Хорошо пела. Особенно любила песни Максима Дунаевского. Перепела все его песни. В школе мальчишки ее подкалывали: «Лесикова, у тебя не голос, а музыка» (так говорила учительница по литературе). После окончания средней школы поступила в Литературный институт. Проучилась полгода, по семейным обстоятельствам пришлось уйти. Потом работала воспитателем в детском саду Сестрорецкого завода, который в начале войны перевели вместе с заводом в Ленинград (на 3-ю

Семья Александровых с друзьями у сестрорецкой дачи

Советскую улицу). «Героическая сестра» – так назвала мою сестру блокадница-подруга. Ей довелось тушить зажигательные бомбы в самые страшные годы блокады – 1941–1942-е. В конце блокады вместе с детским садом эвакуировалась под Красноярск (село Убей на реке Енисей).

Там сестра познакомилась со своим будущим мужем – Александровым Алексеем Александровичем (1921). Он приехал туда к своим эвакуированным из-под Старой Руссы родителям на побывку после очередного ранения. Александров Алексей был призван в ряды РККА (рабоче-крестьянскую красную армию) 5 мая 1940 года на флот. Когда началась война, он служил матросом на линкоре «Октябрьская революция». Первое ранение краснофлотец Александров получил 23 ноября 1941 года во время наступления на город Пушкин под Ленинградом, когда был в составе 7-й морской бригады. Сутки пролежал раненный на снегу. В ленинградском госпитале его еле выводили. За это был удостоен медали «За оборону Ленинграда». После первого ранения его отпускали «по чистой», но он опять пошел воевать. Второе ранение получил 18 октября 1943 года при форсировании реки Днепр осколком артиллерийского снаряда в левую руку, бедро, стопу. В результате – ампутация левой руки по плечу. Стал непригоден к военной службе. После Победы Алексей приехал в город Сестрорецк вместе с моей старшей сестрой Надей. 16 мая 1945 года они расписались и стали мужем и женой. Моя старшая сестра после войны работала воспитателем в детском саду на Малой Канонерской улице, с октября 1948 по июнь 1952 года работала библиотекарем в школе № 435, далее – закройщицей и печатницей на швейной фабрике «Весна».

Я, Пепеляева Эра Ефимовна (в девичестве Лесикова), 1928 г.р., до войны училась до 5-го класса в Сестрорецке, в 6-м классе училась уже в Ленинграде, где мы жили с мамой на Лесном проспекте. Когда закрыли школу, мы эвакуировались. Я была худенькой, поэтому в детстве ребята называли меня «сестрорецкой корюшкой». После войны училась и работала в Ленинграде. Вышла замуж за военного моряка. Вначале муж служил на Балтийском флоте (в Балтийске), потом – на Дальнем Востоке (Советская Гавань), а потом его перевели в Севастополь. У меня дочь и сын. Дочь Татьяна окончила институт культуры в Ленинграде. Сын

*Учителя 435-й школы. Во втором ряду вторая справа – Лесикова.
12 августа 1951 г.*

Владимир – Черноморское ВВМУ им. П.С. Нахимова в Севастополе. Служил на Черноморском, Тихоокеанском флотах, в Главном штабе ВМФ в должности заместителя начальника Главного штаба, получил воинское звание вице-адмирал. Имеет правительственные награды, среди них три ордена.

И вот уже пятьдесят лет я живу в Севастополе. В нашем блокадном обществе Севастополя нас называют «Севастопольские ленинградки».

В Сестрорецке живет моя племянница с семьей (дочь старшей сестры) Луцук Наталия Алексеевна. Она всю жизнь работает библиотекарем, ветеран труда. Её муж – военный пенсионер (окончил тоже военное училище, как и мой сын). Оба трудятся. Сын – успешный хирург. Дочь закончила ВУЗ. Горжусь этой семьей.

Отец, Лесиков Ефим Павлович, мать, Лесикова Мария Сидоровна и моя старшая сестра Александрова Надежда Ефимовна со своим мужем Александровым Алексеем Александровичем похоронены рядом на Сестрорецком кладбище. Поскольку я родилась в Сестрорецке – это мой самый родной город, езжу туда поклониться могилам.

Материал передала в краеведческий центр Н.А. Луцук

Т.А. ДАШКЕВИЧ

КУПЕЧЕСКИЙ РОД КАЛАЧЕВЫХ И ИХ ПОТОМКИ

*Воспоминания Татьяны Александровны Калачевой-Трусовой-
Дашкевич из купеческого рода Потомственного гражданина
Петра Егоровича Калачева*

О том, что я потомственная дворянка, я узнала еще в детстве. Когда я училась в школе, мама рассказала мне, кто были мои предки. Прадедушка мой, Петр Егорович Калачев, был Потомственным гражданином, купцом 1-й гильдии, Почетным членом Сестрорецкого благотворительного общества и участник многих других общественных начинаний.

Мама мне подробно рассказала о нем, его детях. Показала дом на ул. Володарского (бывш. Петербургской), где сейчас находится Военкомат. Нарисовала даже расположение комнат в доме. Вся семья жила здесь.

А потом я училась в Ольгинской школе № 440. В 1954 году в здании, где жила большая семья Калачевых, был райком комсомола и райком партии, в нем меня приняли в комсомол.

Я тогда многого не понимала. Мы росли в то время, когда приветствовалось рабоче-крестьянское происхождение, а не купеческое. Мама даже стеснялась своего происхождения и особенно не любила рассказывать об этом людям, и мне это привила. Поэтому никакой гордости я тогда не испытывала. В детстве мало интересуешься прошлым. Это приходит с годами.

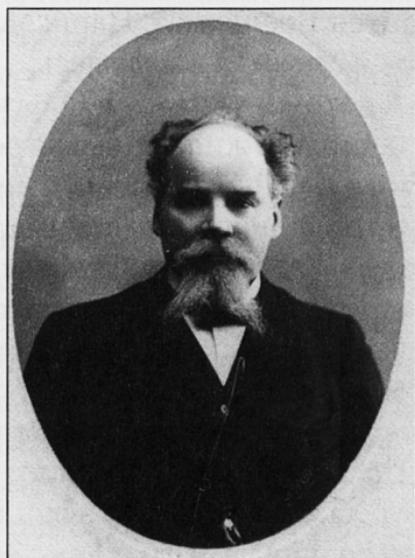
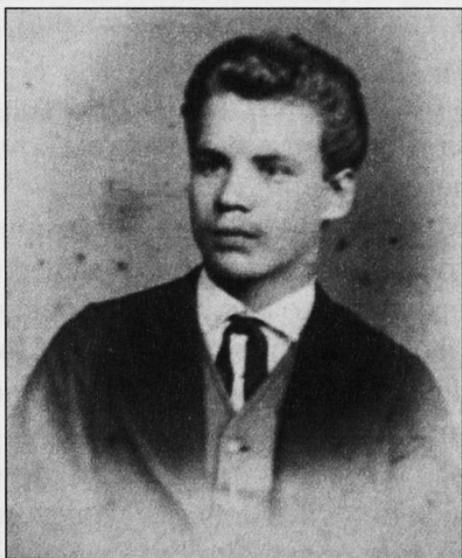
По воспоминаниям мамы Петр Егорович поселился здесь еще в XIX веке. Он был очень энергичным и деловым человеком. Стал купцом 1-й гильдии. Занимался большой общественной работой, состоял в попечительском совете, был казначеем Сестрорецкого Коммерческого общеобразовательного общества. Благодаря своей деловой хватке он стал обеспеченным челове-

ком и построил дом в Сестрорецке. Позднее число построенных им домов для своих десяти детей дошло до восьми.

Дед Петра Егоровича был крепостным Мусиных-Пушкиных. Он вместе с братьями, получив свободу после отмены крепостного права, занялся торговлей. Позднее братья стали купцами. Так, его брат был очень известным купцом-лесопромышленником в Рыбинске. Как Петр Егорович оказался в Сестрорецке – пока не известно. Здесь он женился. Первая жена – Анна Александровна, умерла в молодости, в 1885 году. Ей было 28 лет. Она похоронена на Сестрорецком кладбище. От первого брака у него было двое детей: старший сын Анатолий и дочка Евгения. Евгения Петровна стала моей бабушкой.

Прадедушка, вдовец с двумя детьми, позднее женился второй раз. Вторую жену звали Антониной. От второй жены у него было четыре сына и четыре дочери. Из какого сословия была его вторая жена, я не знаю. Вероятно, из купеческого, а может быть, из семьи священнослужителей.

На большой семейной фотографии в центре – Петр Егорович Калачев и его вторая жена, Антонина.

Петр Егорович Калачев в 1868 г. (слева) и 1905 г.

Семья П.Е. Калачева в начале XX в.:

Нижний ряд слева направо: Борис, Владимир, Николай – сыновья П.Е. Калачева от второго брака.

Второй ряд слева направо: Вера, Виктор Карлович Стенгольм (дедушка Татьяны Александровны), Евгения Петровна (дочь Петра Егоровича и бабушка Татьяны Александровны), Петр Егорович Калачев, у него на руках – сын Михаил, Антонина Ивановна, вторая жена Петра Егоровича, мать Антонины Ивановны, Ольга Петровна, дочь Петра Егоровича, неизвестная.

Третий ряд слева направо: Анатолий Петрович, старший сын; дочь Анна Петровна, три человека – прислуга. Лето 1905 г.

Моя бабушка Евгения Петровна умерла в блокаду, а дедушка, Виктор Карлович, умер раньше в 1913-м. Он работал управляющим на заводе в Санкт-Петербурге. Умер от какой-то душевной болезни, как мне говорила бабушка.

Они жили тогда в Санкт-Петербурге на Черной речке рядом с Белоостровской улицей. У них была квартира, скорее они снимали её. А у Петра Егоровича в Сестрорецке было восемь домов. Дом на ул. Володарского был каменным. Остальные дома – деревянные. Некоторые из них мне показала тетя, Надежда Петровна. Деревянный 2-этажный дом на Большой Литейной ул. и дом на Большой Морской.

*Виктор Карлович Стенгольм и
Евгения Петровна Калачева с
дочерью Тamarой. 1907 г.*

*1907 г. Дочери Е.П. Калачевой
и В.К. Стенгольма Тамара
(справа) и Лариса. 1910 г.*

Тетя умерла рано. Неизвестно, кто жил в домах, возможно, они сдавались. Надежда Петровна жила с матерью. Архив семьи не сохранился. Моя мама имела немецкую фамилию.

После революции деда арестовали, все дома национализировали. К тому моменту у моей бабушки уже не было мужа. Бабушка, вероятно, жила на средства от дачников и на средства деда. После революции, когда дом национализировали, бабушке дали небольшую комнатку в Лисьем Носу, и она пошла работать почтальоном. После революции на хлеб менялись все золотые изделия. Архив моей бабушки не сохранился. Вот эти все фотографии из архива Ольги Петровны. После войны в 1950-х годах сестры дарили фотографии друг другу.

Моя мама, Лариса Викторовна, вышла замуж за Александра Федоровича Трусова, но быстро разошлась с мужем. Смена фамилии помогла избежать репрессий. Этот пример не единственный в истории страны.

*Татьяна (автор воспоминаний) с мамой,
Ларисой Викторовной. 1940 г.*

Годы революции не прошли бесследно для большой семьи Калачевых. Все члены семьи были еще достаточно молодыми в предреволюционные годы. Прадедущка был так же еще не старей. Он продолжал заниматься предпринимательством. У каждого была своя судьба. Но в большинстве случаев – трагическая. **Старший сын Анатолий** погиб в Первую мировую войну.

Второй сын Борис Петрович окончил Институт им. Вавилова. Был подвижником Мичурина и Вавилова, селекционером и биологом. Вывел 40 сортов сирени. Работал в Лужском районе агрономом, а потом

*Борис Петрович Калачев.
Начало 1990-х гг.*

работал в г. Порхове, в Земсовхозе. Пользовался большой популярностью у местных жителей. Будучи глубоко образованным человеком, знал немецкий, английский языки. Его жена была известная актриса Лисовская, она переехала из Санкт-Петербурга в провинцию и организовала свой театр, в котором была примадонной.

В 1941 году Порхов был оккупирован немцами. Так как Борис Петрович имел большой авторитет, ему поручили возглавить подпольную работу. Он был командиром партизанского отряда с 1941 по 1943 годы. В 1943 году организация «провалилась» и Борис Петрович попал в гестапо. Там он был не долго, видимо, его сильно мучили и он отравился. Через несколько дней Порхов взяли наши войска. Такая трагическая судьба. В Порхове одна из улиц носит название Б.П. Калачева, а в доме, где он жил, в настоящее время основан музей. Детей у Бориса Петровича него не осталось.

Третий сын Владимир Петрович тоже получил блестящее образование, закончил военно-морской корпус, после рево-

Владимир Петрович Калачев с женой Зоей Алексеевкой и дочерью

люции перешел на сторону Красного флота, был его организатором. Потом занимал большие должности на Черноморском флоте. В 1938 году по ложному доносу был арестован. За него на суде вступился адмирал Федор Исаков, но в 1939-м Владимира Петровича расстреляли. И только в 1953 году он был реабилитирован. У него остался сын Михаил Владимирович, который живет в Москве.

Четвертый сын – **Николай Петрович** – был адъютантом в Петропавловской крепости (так о нем говорили в семье). В 1929 году на углу Литейного пр. и ул. Некрасова он зашел вгостроном, когда туда ворвались бандиты, которые хотели ограбить кассу. Николай попытался им помешать, и был убит выстрелом в голову.

Самый младший сын, **Михаил Петрович**, был артистом цирка и умер своей смертью. Он не общался с другими членами семьи.

У Петра Егоровича было **пять дочерей**. Одна из них была моя бабушка Евгения Петровна. Она еще до революции вышла замуж, нигде не работала, воспитывала двух детей (мою маму Ларису и Тамару). После революции бабушка пошла работать почтальоном, так как другой работы не было. В Лисьем носу семье моей бабушки дали маленькую квартиру, и там она жила до войны. Во время блокады в 1942 году бабушка умерла. Лариса и Тамара пережили блокаду вместе со мной. Вся семья тогда собралась в Лахте, так как моя мама была начальником почтового отделения и жила при почте.

Старшая дочка Петра Егоровича, Анна Петровна, умерла еще до революции, а **Вера, Надежда и Ольга** жили в Петербурге, прожили большую жизнь, часто бывали в Сестрорецке. Работали, воспитывали детей и похоронены на Сестрорецком кладбище.

Вот такая судьба была у детей Петра Егоровича.

Уже после революции мой прадедущка был репрессирован, выселен из дома и сослан в ссылку, но так как его очень многие знали и уважали за благотворительность в Сестрорецке, они отправили прошение в различные инстанции и его освободили. Он переехал в Сестрорецк, но чем занимался после революции – я не знаю.

*И.А. Красов, муж Ольги Петровны,
у церкви Петра и Павла
Сестрорецке. 1910 г.*

На Сестрорецком кладбище до наших дней сохранилось семейное захоронение Калачевых. (Левая аллея, примерно в 70–100 м. от забора вдоль реки Сестры), на спуске. Умер Петр Егорович Калачев в 1923 году и похоронен рядом со своей первой женой Анной Александровной, которая умерла в 1885 году. Сохранился памятник на могиле Анны Александровны Калачевой. Рядом похоронены его самая младшая дочь Надежда Петровна и ее муж. Также рядом похоронена еще одна дочь – Ольга Петровна Красова вместе с мужем.

Сохранились потомки по женской линии. Женщины меняли фамилии, спасая тем самым себя и будущих детей. Ольга Петровна воспитала сына Анатолия Ивановича. Он показывал сохранившиеся фотографии. Но сам он мало что помнит. У Ольги Петровны сохранился пропуск на завод им. Воскова. Она там работала бухгалтером. После революции ей было 19 лет. Проработала она мало. Вышла замуж в 21 год за Ивана Александровича Красова. Он был из семьи священника. После рождения сына Ольга Петровна не работала.

Надежда Петровна и Ольга Петровна умерли в 1980-х годах.

Мы стараемся поддерживать связь с ныне живущими родственниками. Анатолий Иванович, сын Ольги Петровны, живет в Санкт-Петербурге. Михаил Владимирович, сын Владимира Петровича, живет в Москве. У них сохранилось много старинных фотографий и немного вещей из дома П.Е.Калачева. Мы обмениваемся фотографиями.

Учителем я решила стать еще в школе. Перебирая разные профессии, я поняла, что больше всего меня тянет к детям.

Когда я окончила школу, то с первого раза не поступила в институт, и поэтому пошла работать в школу пионервожатой. Три года я работала старшей пионервожатой и параллельно училась в педагогическом институте на заочном отделении. Сначала я поступила на географический факультет и окончила 1-й курс, но, продолжая работать вожатой, мне приходилось бывать в разных классах. Я видела глаза малышей такие внимательные, благодарные, широко раскрытые. И тогда я решила стать учителем младших классов. Я перешла с географического факультета на педагогический, отделение начальных классов, и никогда об этом не пожалела. И отработала с малышами 45 лет. В этом году исполнилось 50 лет, как я работаю в Народном образовании. Последние пять лет я работаю организатором питания в школе. Работать хочется, потому что приятно чувствовать себя в коллективе

Маленькие дети – они всегда дети, поэтому они похожи, но в тоже время сейчас они отличаются от тех детей, с которыми я начинала работать, когда только пришла в школу. Сейчас дети более раскованные, раскрепощенные, они очень многое знают (компьютер, телевизор), и учитель не всегда для них авторитет. Да и для родителей, которые часто приходят к учителю с пре-

Пропуск Ольги Петровны Калачевой. 1919 г.

тензиями. Я рада, когда меня навещают мои бывшие ученики или просто звонят. А в прошлом году пришли дети с цветами и подарками...

*Послесловие Р.Н. Гараевой,
руководителя Краеведческого центра
Курортного района:*

Татьяна Александровна Дашкевич

Татьяна Александровна Дашкевич – Отличник Народного образования. Вероятно, не случайно она выбрала эту профессию и стала учительницей именно начальных классов.

Она начинала работать в Ольгино, в 440-й школе, которую она окончила в 1957 году, затем перешла работать в Лисий Нос, в 436-ю начальную школу и проработала там до ее закрытия в 1970 году. Позднее работала в Лесной школе в Курорте, в бывшем Коммерческом училище, на Садовой ул. до ее закрытия в 1979-м. Затем до ухода на пенсию работала в 541-й школе Сестрорецка учителем начальных классов. Последние годы работала в других структурах школы.

Ю.Д. БАЛАЦЕНКО

**«ФИНСКИЕ ЗНАМЕНИТОСТИ».
ОДНА ИЗ ПОСЛЕДНИХ РАБОТ,
НАПИСАННАЯ И.Е. РЕПИНЫМ В «ПЕНАТАХ»**

«Финские знаменитости» – это одно из последних полотен великого русского живописца Ильи Ефимовича Репина (1844–1930). Картину, созданную мастером в своем имении на Карельском перешейке в 1920-е годы прошлого века, ждала непростая судьба. Написанная на закате жизни она поражает своими размерами – 152×281,5 см. На ней в многофигурной композиции запечатлена практически вся творческая элита Финляндии. Картина не была оценена по достоинству современниками. И только сейчас, почти через сто лет после написания, ее художественная и историческая ценность получила заслуженную высокую оценку зрителей и специалистов.

История возникновения картины, описание места, где она была написана, и хотя бы краткие биографические сведения о изображенных на ней основных персонажах, заслуживают того, чтобы здесь их отразить. Тем более что эти люди составляя цвет финской культуры первой трети XX века, являлись гордостью молодого независимого государства.

Время после Октябрьской революции 1917 года стало тяжелым испытанием не только для страны, но и для уже немолодого художника. И.Е. Репин, сам того не желая, живя в своем имении, оказался в эмиграции на территории вновь созданного государства – Финляндской Республики.

В марте 1920 года И.Е.Репин преподнес Финскому Художественному Обществу (Suomen Taideyhdistys) коллекцию русской живописи из своего собрания, включавшую семь полотен, написанных им самим и двадцать три картины других знаменитых русских художников. Как отметил сотрудник Финской на-

циональной галереи Тимо Хууско в статье, посвященной работам Репина, которые находятся в музее Атенеум в Хельсинки: «Ценность этого дара заключалась и в том, что ранее в собрании Художественного Общества было крайне мало произведений русских художников, несмотря на то, что Финляндия входила в состав Российской Империи... Коллекция основанного в 1846 году Финского Художественного Общества, позднее положила начало собранию Художественного музея Атенеум».¹

Необходимо отметить, что И.Е. Репин с 1914 года являлся почетным членом Общества художников Финляндии, а после его щедрого дара члены Финского Художественного Общества в знак благодарности избрали знаменитого живописца также своим почетным членом. Вице-председатель этого Общества Вайно Бломштедт (1871–1947) в своем письме к Репину писал, что «пожертвование свидетельствует о драгоценном для нас чувстве симпатии к нашей стране, где Вы столько лет проживали».² Подарок маститого русского художника был по достоинству оценен общественностью молодого независимого государства. Научный сотрудник Центрального архива изобразительного искусства Финляндии Хелена Хятэнен указала, что произведения, поступившие в 1920 году в Атенеум, были записаны секретарем Общества Йоханом Якобом Тикканеном (1857–1930) как «Пожертвование в собрания Финского Художественного Общества».³

В. Бломштедт не ошибался, когда писал, что И.Е. Репин долго жил в Финляндии и был другом страны и ее народа. Финны по праву считают Илью Ефимовича не только русским, но и своим живописцем, так как значительная часть его творческой жизни прошла на территории Финляндии.

К концу XIX века Илья Ефимович Репин был уже широко известным художником, чьи работы украшали как частные собрания, так и государственные музеи. Его слава росла день ото дня, а вместе с ней и материальное благосостояние. Его картины «Бурлаки на Волге» (1870–1873), «Крестный ход в Курской губернии» (1881–1883), «Запорожцы пишут письмо турецкому Султану» (1888–1891) пользовались мировой известностью. В 1892 году Император Александр III приобрел «Запорожцев» для недавно созданного Русского музея за 35 тысяч

рублей. Для того времени это были огромные деньги. Как писал И.Э. Грабарь в своей монографии, посвященной жизни и творчеству Репина, это была «наивысшая сумма, выпадавшая до того на долю русского художника».⁴ Все это в итоге позволило Илье Ефимовичу купить сначала имение – Здравнево на берегу Западной Двины, а потом и усадьбу на территории Великого Княжества Финляндского.

В мае 1899 года И.Е. Репин приобрел за 10 тысяч рублей небольшое имение на Карельском перешейке в деревне Куоккала Кивеннапского прихода, волости Терийоки Выборгской губернии (ныне поселок Репино). Оно было куплено на имя Натальи Борисовны Нордман (1863–1914). То, что сделка была совершена на деньги Репина, держалось в секрете до момента ухода Натальи Борисовны из жизни. Считалось, что Репин живет на ее даче. Расположенная на берегу Финского залива примерно в 50 километрах к северу от Санкт-Петербурга, усадьба получила необычное для юга Карельского перешейка название «Пенаты» в честь древнеримских богов – хранителей домашнего очага.

Илья Ефимович, объясняя свой поступок, написал заведующему художественным отделом Русского музея Петру Ивановичу Нерадовскому в письме от 14 сентября 1922 года, что «... из боязни, чтобы по моей смерти ее не выселили мои наследники, я перевел на ее имя “Пенаты”. Судьба судила иначе: я все еще живу».⁵

Жизнь Н.Б.Нордман (литературный псевдоним – Северова) также была непосредственно связана с Финляндией. Она родилась в Хельсинки в семье шведского дворянина Выборгской губернии, дослужившегося на русской службе до чина адмирала. Он умер, когда Нордман была еще девочкой. Мать была из семьи русских помещиков Смоленской губернии. Человеком она была чрезвычайно разносторонним, хотя и не получила никакого специального образования. Ее любовь к суровой, но прекрасной северной стране, вероятно, передалась Репину, который и после ее смерти не покинул Финляндию. Хотя надо отдать должное Правительству СССР, предпринимавшему неоднократные попытки пригласить художника на жительство в Советскую Россию, после того как Финляндия в 1918 году получила независимость.

Государственная граница между Россией (СССР) и Финляндской Республикой прошла по реке Сестре. Таким образом, Куоккала осталась на финской территории в 6 км севернее границы.

Купленная земля в поселке Куоккала представляла собой довольно унылое зрелище. Это был кусок заболоченного леса площадью около двух гектаров с небольшим финским домом. Благодаря фантазии творца и его умелым рукам болото с чахлым лесом за несколько лет превратилось в прекрасный парк с аллеями и прудами, а дом, перестроенный по рисункам и чертежам самого Репина с использованием народных мотивов, стал больше походить на терем из русских волшебных сказок, чем на обычный загородный дом.

Пока на территории усадьбы шло строительство Илья Ефимович жил там периодически, присматривая за его ходом. Но с 1906 году, а когда все основные работы по благоустройству имения были завершены, он поселился там постоянно. С этого времени «Пенаты» стали местной достопримечательностью. Приезжавшие в «Пенаты» многочисленные гости из Петербурга, Хельсинки и других городов удивлялись красоте рукотворного пейзажа и оригинальности дома. Артезианский колодец глубиной 72 метра, вырытый весной 1914 года на берегу пруда, стал последним сооружением усадьбы. Репин, назвав его «Посейдон», писал, что «...и зиму и лето он дает 400 ведер в час».⁶

По завещанию Н.Б. Нордман, составленному в 1910 году, в случае ее смерти усадьба «Пенаты» становилась пожизненной собственностью Репина, а потом переходила в собственность Академии художеств. Репин обнародовал это завещание после смерти Натальи Борисовны в 1914 году и перечислил 30 тысяч рублей Академии художеств на содержание усадьбы.⁷ Но бурные события, последовавшие после начала Первой мировой войны и образования независимой Финляндии, внесли свои коррективы в существование «Пенатов».

К началу 1920-х годов, когда Илья Ефимович приступил к написанию картины «Финские знаменитости», исполнилось уже более двух десятилетий, с того момента как он стал жить на финской земле – сначала Великого Княжества Финляндского, а потом независимой Финляндии.

И.Е. Репин с дочерью Верой

В 1920 году первый Президент Финляндии Каарло Юхо-Столберг подписал Указ о награждении И.Е.Репина высшим знаком отличия молодой финской Республики Орденом «Белой Розы», учрежденным в 1919 году.⁸ Большой крест Белой розы имел золотую цепь. На ней девять геральдических роз символизировали девять исторических провинций Финляндии. Они были соединены кольцами и свастиками. При восьмом Президенте Финляндии Урхо Кекконене (1900–1986) дизайн цепи в силу политических причин был изменен, и свастики были заменены крестообразными еловыми лапками.⁹

Судя по всему эта высокая награда, отметив заслуги Репина перед страной, в которой он многие годы жил и творил, весьма его порадовала. Илья Ефимович 31 мая 1920 года поделился со своим другом и коллегой Василием Филипповичем Леви (1878–1953), что от финляндского Правительства ему пожертвовали Орден командора 2-й степени «Белой Розы». При этом Репин отметил, что до сих пор у него нет удостоверения личности, и он даже не может проехать в Терийоки (ныне Зеленогорск).¹⁰ В.Ф. Леви в последние годы жизни Репина помогал ему с организацией выставок и реализацией картин. В конце июня того же года Вера Ильинична писала отцу, что Ф.И. Шаляпин,

находясь в Москве, передал поздравления Илье Ефимовичу в связи с награждением его Орденом «Белой Розы».¹¹ Надо заметить, что удостоверение личности на финском языке с фотографией И.Е.Репин получил только 14 апреля 1921 года.¹²

В свою очередь И.Е. Репин, ценя хорошее к нему отношение как со стороны простых финнов, так и высших слоев общества, писал А.И.Куприну в январе 1920 года, что «...со мной финны обращаются очень дружески...».¹³

Подаренные Репиным полотна были выставлены для всеобщего обозрения в мае 1920 года в музее Атенеум. Т.П. Бородина в статье, посвященной финской прессе в 1920-е годы, писала, что «...выставка получила широкую рекламу и имела резонанс в прессе. Все центральные финские газеты Хельсинки комментировали акт передачи картин...». В этой же статье она приводит слова корреспондента газеты «Хельсингин Саномат» Эдварда Рихтера, который расценил подарок Репина «как выражение его преданности Финляндии».¹⁴

В сентябре 1920 года Финское Художественное Общество решило, отмечая заслуги своего новоизбранного почетного члена, пригласить И.Е. Репина в Хельсинки на ужин организованный в его честь и приуроченный к открытию выставки картин великого художника. Илья Ефимович, приехав в Хельсинки, пробыл там с 14 по 21 сентября 1920 года. 19 сентября Репин всего за один сеанс, работая на одном дыхании, написал блестящий портрет знаменитого финского живописца А. Галлен-Каллела, подарив его музею Атенеум. В 1926 году Репин, вспоминая работу над этим портретом, писал 18 марта К.И. Чуковскому (1882–1969), что А. Галлен-Каллела «...превосходный художник, серьезен и безукоризнен по отношению к форме. ...мы встретились на товарищеском ужине – друзьями. Я сейчас же адресовался писать его портрет. Он лицом – запорожец – да и характером. Он позировал, и мы прекрасно проводили время, и я написал портрет в один сеанс».¹⁵

Чествование русского художника прошло в «Народном доме» (Seurahuone) финской столицы, где собрались практически все творческие люди Финляндии. По утверждению финского исследователя Тимо Хууско, ссылающегося на Олли Валконена, стол в банкетном зале «был накрыт на 35 человек и в процессе празднества к его участникам присоединился генерал Маннергейм (1867–1951), который в то время был, не-

сомненно, самым уважаемым человеком среди финской интеллигенции». ¹⁶ Вице председатель Художественного общества Вайно Бломштедт и известный скульптор Вилли Валлгрэн выступили с приветственными речами. Поэт Эйно Лейно прочитал свое стихотворение, специально написанное к этому торжеству. В нем величие Репина сравнивалось с великой русской рекой Волгой и говорилось, что «Репин – ты наша любовь, как для России – Волга». ¹⁷

В ответном слове к собравшимся Илья Ефимович, отметив перемены, произошедшие в Финляндии с момента получения независимости, призвал деятелей культуры приложить максимум усилий для сохранения памяти для грядущих поколений о том, что происходило в стране на их глазах.

Летом 1921 года Репин, вспоминая события почти годовой давности, привел в письме к Анатолию Федоровичу Кони (1844–1927), свои слова, обращенные к участникам банкета: «Они наконец – Свободная Республика; и у них так спокойно живет, как и прежде, – никого не грабят, не убивают... Далее, обращаясь к друзьям художникам, я говорил, что на их обязанности лежит увековечить в картинах и портретах их теперешний великий момент национальной жизни». ¹⁸ В этой чрезвычайно эмоциональной речи Илья Ефимович отдал дань значительным переменам, произошедшим в Финляндии после окончания гражданской войны 1918 года.

Изучая дальнейшую творческую жизнь участников торжественного ужина в честь Репина, можно сделать вывод, что они с должным вниманием отнеслись к обращенным к ним словам русского живописца. Доказательством тому служат портреты и скульптурные изображения, которые они написали и создали после того незабываемого вечера в «Народном доме».

За столом, как отметил Тимо Хууско, «Репин сидел между известным скульптором Вилли Валлгрэном и своим давним другом – живописцем и графиком Ээро Ярнефельтом». ¹⁹ В русской литературе имя этого известного финского художника обычно пишется Эро Ярнфельд (1863–1937).

Идея создания большого полотна на подобие «Торжественного заседания Государственного Совета» (1901–1903), родилась у И.Е. Репина в поезде, когда он возвращался в Куоккалу из Хельсинки. В свое время «Торжественное заседание» было

создано художником по заказу Правительства в ознаменование столетнего юбилея со дня основания Совета. Картина отразила момент заседания 9 мая 1901 года, глядя на которое можно, и теперь изучать всех тех, кого так психологически точно с присущим ему мастерством написал Репин. Каждое лицо на полотне узнаваемо, главным из них дана блестящая характеристика. «Выполненное в широкой манере полотно, на котором свыше 80-ти человек, относится к величайшим достижениям русского искусства» – писала об этой картине искусствовед Ирина Шувалова.²⁰ «Это подвиг кисти» – заметил Игорь Грабарь, считая эту работу последним великим созданием Репина.²¹

Теперь же Илья Ефимович по собственной инициативе решил создать полотно, которое бы отразило необычное историческое событие и неординарных людей, принимавших в нем участие, каждый из которых представляет целую эпоху в культурной и общественной жизни Финляндии. Конечно, масштаб картины был уже не тот, количество фигур на полотне значительно меньше и не все они дописаны до конца. Тем не

*И.Е. Репин в мастерской на фоне картин
«Утро воскресения» и «Финские знаменитости».
Слева у картины «Гопак», стоит племянник художника
Илья Васильевич Репин, 1928*

менее картина, написанная Ильей Ефимовичем на склоне лет в совершенно иной манере, чем «Торжественное заседание», заставляет современного зрителя застыть перед ней в немом почтении, и это несмотря на ее незавершенность.

Вернувшись в «Пенаты», Репин практически сразу же приступил к воплощению своего грандиозного замысла. Так как зарисовок всех присутствовавших на банкете у него не было, то он обратился с просьбой к своим знакомым, жившим в Хельсинки, прислать фотографии участников торжества.

И уже 18 октября 1920 года вице-председатель Финского Художественного Общества Вайно Бломштедт, поблагодарив И.Е.Репина в письме за намерение написать картину «Финские знаменитости», обещал прислать фотографии всех бывших на банкете.²²

О том, как родилось решение запечатлеть банкет на холсте и о самом мероприятии Илья Ефимович подробно и немного шутливо писал в своих письмах, направленных А.Ф. Кони и К.И. Чуковскому. Необходимо отметить, что не только начало создания картины, но и все последующие этапы работы над ней нашли отражение в письмах живописца.

15 (28 н.ст.) апреля 1921 года И.Е. Репин сообщил А.Ф. Кони: «...я начал писать группу финляндских художников, стараясь скомпоновать что-нибудь вроде бывшего ужина в Гельсингфорсе, где и я сам был и даже какое-то крепкое вино пил, которое мне очень понравилось...».²³ В письмах, написанных позже, художник уже гораздо подробнее описывает знаменательное для него событие.

Здесь необходимо обратить внимание, что в разных изданиях писем Репина, опубликованных в СССР, они зачастую цитируются с купюрами. Наиболее подробный текст письма И.Е.Репина к А.Ф.Кони от 29 июня (12 июля н.ст.) 1921 года приведен, как это ни покажется странным, в монографии И.Э. Грабаря, посвященной жизни и творчеству И.Е. Репина, изданной в 1933 году. В этом письме Илья Ефимович с известной долей юмора описал как рождение замысла картины, само торжество, так и некоторых участников банкета: «Возвращаясь в вагоне, я подумал, почему бы мне, как делали умные Олеарий и Герберштейн, посещавшие Русь, не попытаться зафиксировать наше вчерашнее собрание

финских художников. Да еще и не одних художников: был поэт Эйно-Лейно (читал посвященные мне стихи), был Сибелиус, музыкант-композитор, был Маннергейм, генерал, герой-предводитель и пр. и пр. И выписав драгоценный холст из Стокгольма и красок на вес золота из Дюссельдорфа, я принялся...».²⁴ И далее, решив написать всеобъемлющее полотно, маститый художник понял, что «...недостает только Стольберга, чтобы картина стала универсальной (извините за выражение). И тут же наш “лукавый мужеченко” нашелся: он повесил портрет Президента на стене. Если его не было, то он должен быть там».²⁵ В письме Репин сравнивает себя с европейскими дипломатами-путешественниками, которые в разное время посетили Московское царство. Барон Сигизмунд фон Герберштейн (1486–1566) — австрийский дипломат, оставивший «Записки о Московии» по итогам своего визита ко двору царя Василия III (1479–1533) в 1526 году. Адам Олеарий (1603–1671) был в России при царе Михаиле Федоровиче Романове (1596–1645) в составе Гольштинского посольства в 1633–1634 годах и оставил описание своего путешествия. В своих заметках оба дипломата дали как подробные характеристики людей, с которыми они встречались, так и мест, где они побывали.

То, что было адресовано А.Ф. Кони можно сравнить с тем, что немногим позже 29 сентября 1921 года Илья Ефимович написал в восторженном письме к К.И. Чуковскому, вспоминая практически ровно через год после своего триумфа детали того праздничного вечера в «Народном Доме»: «Финские художники отнеслись ко мне лучше, чем родные братья: в Гельсингфорсе мы так пировали!... Еще уезжая, уже в вагоне, долго я был обуреваем живой карти[ной] нашего торжества. По приезде я сейчас же, через добрых друзей выписал из Стокгольма большой масл[яный] холст, и полетели мои письма в Гельсинки, а оттуда — 30.000 курьеров — повезли мне фотографии финских художников. Все имена, которые волновали меня еще в 70-х годах — Акс[ель] Гален, Галонен, Ярнфельди многие другие».²⁶ В этом же письме указано, что картина почти готова.

На большом полотне с множеством фигур запечатлен, вероятно, кульминационный момент вечера, когда поэт Эйно Лейно, стоя читал свои стихи, посвященные Репину, а сам художник, изображенный со спины, входил в зал, опираясь на трость.

Фигура виновника торжества находится в центре картины. Справа от него сидит маршал К. Маннергейм, тогда еще генерал, с восторгом взирающий на живописца. Слева от Репина и спиной к нему сидит в шапке, закуривая трубку, знаменитый финский художник Аксель Галлен-Каллела.

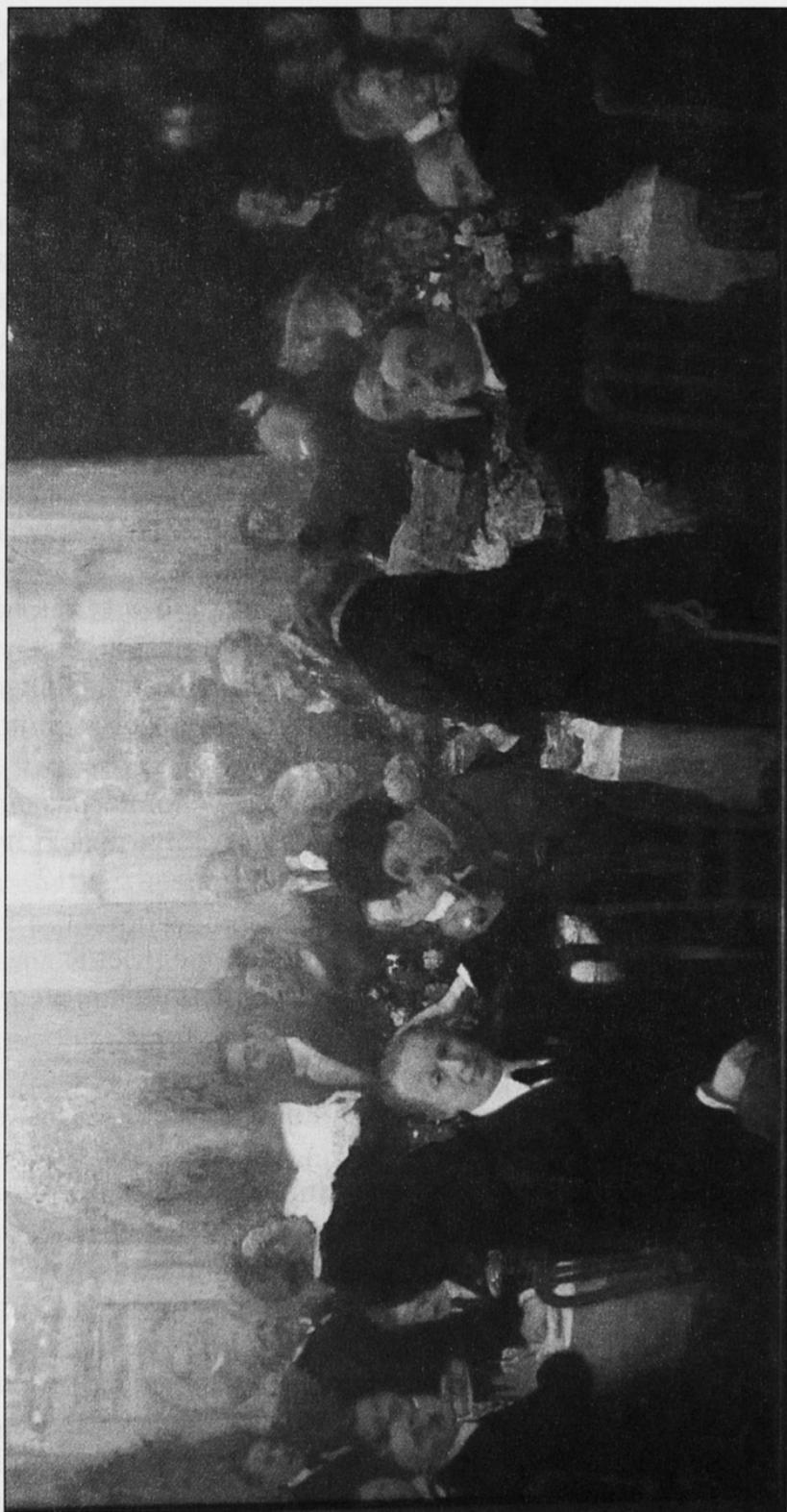
Несколько удивляет поза А. Галлен-Каллела. Исследователь из Карелии Елена Сойки предположила, что изобразив художника на полотне таким странным образом, Репин как бы приносил свои извинения за неприятный эпизод, случившийся в 1891 году. Тогда Репин, находясь на выставке в Москве, несправедливо отнесся к творчеству молодого финна, обвинив его в декадентстве.²⁷ «А потом будучи в Гельсингфорсе, я познакомился с его работами ... и... готов был провалиться сквозь землю...».²⁸ — Писал позднее Илья Ефимович К.И. Чуковскому, вспоминая тот давний случай в Москве.

Расположение фигур на полотне подчеркивает исключительную скромность великого мастера. Изобразив себя стоящим спиной к зрителю, И.Е.Репин показал, что он не является главным персонажем картины и не причисляет себя к финской творческой элите.

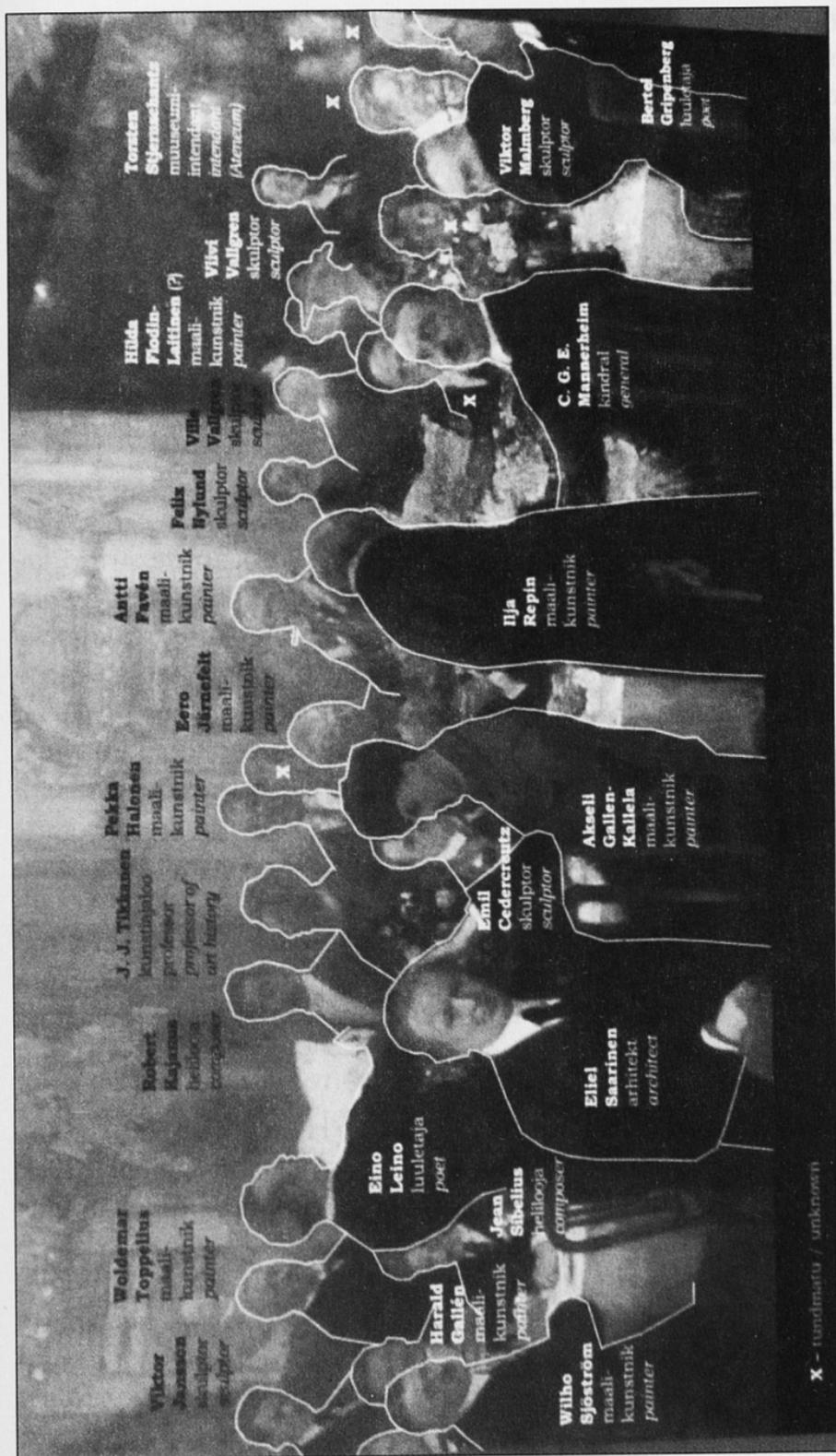
Всех изображенных на картине можно условно разделить на несколько групп, которые стоят и сидят вокруг праздничного стола, причем 23 персонажа идентифицированы, а 12 – нет. Обычно их описывают слева на право:

- 1) 18 стоящих человек, шесть из них не определены,
- 2) девять человек сидят за столом на заднем плане, шесть из них не определены,
- 3) семь человек сидят за столом на переднем плане,
- 4) сам Репин стоит в центре спиной к зрителю и лицом к столу, опираясь на трость.

На выставках, где картина экспонируется, обычно рядом с ней устанавливают прорисовку с указанием имен всех опознанных лиц. Ведь в этот список вошел весь цвет финской нации – художники, скульпторы, писатели, композиторы, музыканты, поэты и общественные деятели. Зачастую один и тот же человек был одновременно и прекрасным скульптором и художником, знаменитым музыкантом и выдающимся композитором и все они в той или иной степени участвовали в общественной жизни страны.

И.Е. Репин. Финские знаменитости

Финские знаменитости. Расшифровка

X - tuntematon / unknown

Стоят вокруг стола:

Виктор Янссон – Viktor Jansson (1886–1958), скульптор. Происходил из семьи торговцев-предпринимателей. Родители хотели, чтобы он продолжил семейное дело, но он предпочел стать скульптором. В 1918 году пошел добровольцем в Белую армию. Участие в боевых действиях привело его к осознанию того, что жизнь неприкосновенна, несмотря на то, что как патриот своей страны он был готов отдать жизнь за родину. Его дочь – всемирно известная писательница Туве Янссон, автор Муми Троллей.

Вольдемар Топпелиус – Woldemar Toppelius (1858–1933), художник. Служил в Российской армии. После 1918 года – майор вооруженных сил Финляндии. Как художник в основном был маринистом.

Роберт Каянус – Robert Kajanus (1856–1933), композитор, капельмейстер и дирижер. Основатель оркестровой школы и симфонического хора в Хельсинки, а также Ассоциации столичных оркестров. Его музыка опиралась на финский фольклор. Считается самым крупным финским композитором до Сибелиуса. За свою профессиональную и общественную деятельность получил много государственных наград, в том числе был кавалером «Ордена Почетного Легиона» Франции. Автор финского национального гимна «Наша страна» и марша сил Самообороны Финляндии. Был другом Сибелиуса и способствовал его карьере.

Йохан Якоб Тикканен – J.J. Tikkanen (1859–1930), историк-искусствовед. Изучал историю искусств в Мюнхене в Академии искусства. Стал первым финским историком-искусствоведом, получившим звание профессора. Был секретарем Художественного Общества.

Пекка Халлонен (Галонен) – Pekka Halonen (1865–1933), художник, пейзажист. Работал в реалистической манере с элементами национального романтизма. Наиболее прославился своими зимними пейзажами, но известен и в жанровой живописи, и как портретист. С 1892 года член Финского Художественного Общества. Знакомство с Полем Гогеном во время обучения в Париже не привело к отказу от реалистической живописи. Иллюстрировал «Калевалу». Известен тем, что заканчивал свои пейзажи не в студии, а на природе.

Ээро (Эрик) Ярнефельт – Eero (Erik) Jarnefelt (1863–1937), художник и график. Внучатый племянник известного русского скульптора барона П.П. Клодта. Во время учебы в Императорской Академии художеств в Петербурге сблизился И.Е. Репиным, с которым его объединяли общие художественные вкусы. Учился как и Илья Ефимович у П.П.Чистякова.

Антти Фавен – Antti Faven (1882–1948), художник. Прославился как портретист, но писал и пейзажи. Хорошо известен, написанный А.Фавеном в 1922 году портрет поэта Эйно Лейно. В начале XX века, как и большинство, изображенных Репиным на картине, учился в Париже. В 1939 году во время «Зимней войны» А.Фавен эмигрировал в Швецию. Сотрудничал с газетами и журналами, рисуя для них карикатуры.

Феликс Нюлунд – Felix Nylund (1878–1940), скульптор учился сначала в Дании потом в Париже. Был одним из основателей Союза финских скульпторов. Многие его скульптуры украшают как Хельсинки, так и другие города Финляндии. Наиболее известная его скульптура – «Три кузнеца» в центре Хельсинки.

Вилле Валлгрэн – Ville Vallgren (1855–1940), всемирно известный скульптор. Многие его работы украшают как города Финляндии, так и других стран. Начинал свою карьеру с учебы на архитектора, но вскоре переквалифицировался. Работал и как художник декоратор. Самая известная его скульптура – «Хавис Аманда» в центре Хельсинки, в момент ее установки вызвала неоднозначное к ней отношение со стороны критиков. Считается, что скульптура выходящей из воды нимфы олицетворяет Хельсинки.

Хильда Флодин-Лайтинен – Hilda Flodin-Laitinen (1877–1958), скульптор, живописец и гравер. В начале XX века училась в Париже. Работала в начальный период творческой карьеры в скульптуре и в графике. В 1989 году ее именем были названы площадь и переулок в Хельсинки.

Вийви Паармио Валлгрэн – Viivi Vallgren (1867–1952), скульптор и художник. Училась в Хельсинки и в Париже. Жена Вилле Валлгрена.

Торстен Стьерншанц – Tornsten Stjernschantz (1882–1953), интендант музея Атенеум. С 1919 по 1952 годы отвечал за художественные коллекции музея Атенеум и одновременно музея Синебрюхова с 1924 по 1952 годы. Имел степень доктора искусствоведческих наук.

Сидят за столом:

Харальд Галлен – Harald Gallen (1880–1931), художник, график и дипломат. Учился в Хельсинки и в Париже. Его дядя знаменитый финский художник А. Галлен-Каллела. Служил в финском дипломатическом представительстве в Испании. Х. Галлен славился экстравагантностью своих костюмов.

Ян (Йоган) Сибелиус – Jean Sibelius (1865–1957), скрипач, дирижер, самый знаменитый финский композитор. Уже в возрасте десяти лет сочинил небольшую инструментальную пьесу. Начал свою карьеру с поступления на юридический факультет университета в Хельсинки, но вскоре перешел в Музыкальный институт. Получив государственную стипендию, отправился продолжать обучение в Германию. По возвращении на родину состоялся его официальный дебют как композитора, была исполнена его симфоническая поэма «Кулерво» на основе финского эпоса «Калевала». На его творчество оказал влияние композитор Р. Каянус. В творческом наследии Я. Сибелиуса особое положение занимает симфоническая поэма «Финляндия», которую считают шедевром финской национальной культуры. Активная творческая деятельность композитора фактически завершилась к 1926 году. Я. Сибелиус признан великим национальным композитором – символом величия Финляндии. Являясь выдающимся деятелем финского масонства, основал масонскую ложу «Суоми» в Хельсинки, а также был главным органистом Великой ложи Финляндии. Его именем названы улицы и парки во многих городах страны. В 1939 году Музыкальный институт, где композитор начинал учебу, получил название «Академии имени Сибелиуса». Ежегодно проводится музыкальный фестиваль «Неделя Сибелиуса».

Эмиль Седеркройтц барон – Emil Cedercreutz (1879–1949), скульптор, живописец и один из самых известных в Европе силуэтистов. Вырезать силуэты из черной бумаги он начал в возрасте 5–6 лет. Родители хотели, чтобы молодой барон стал юристом, но друг И.Е. Репина финский художник Альберт Эдельфельт (1854–1905) посоветовал им не ломать жизнь юному дарованию и позволить Эмилю поступить в 1900 году на недавно открытые курсы скульпторов при Финской Академии Художеств. Тем самым Седеркройтц стал первым финским ваятелем, начавшим свое образование в Финляндии. Прославился барон Седеркройтц своими бронзовыми скульптурными композициями, которые включали в

себя работающих на пашне крестьян, лошадей и собак. Наибольшей известностью пользуется его композиция «Материнская любовь» в центре Хельсинки, изображающая кобылу с жеребенком, и «Сторожевой пес Пекка». В этом памятнике барон в бронзе увековечил своего верного друга. В Финляндии за ним укрепилась репутация главного специалиста по скульптурным портретам лошадей. Многие его работы установлены в разных городах страны. Седеркройтц одним из первых в Финляндии выступил за соблюдение «прав животных», считая, что когда они будут соблюдаться, в мире наступит расцвет цивилизации. Барон вошел в число основателей «Финского общества защиты животных».

Перед столом сидят и стоят слева:

Вилхо (Вильгельм) Съестрем – Vilho Sjoström (1873–1944), художник–пейзажист, учился у А. Галлен-Каллелы и в Париже. Писал в реалистической манере, но иногда работал как импрессионист. Широко известны его портреты бизнесменов, ученых и политиков, в том числе маршала К.Г.Маннергейма.

Эйно Лейно – Eino Leino (1878–1926), поэт, писатель и переводчик. Настоящее имя А.Е.Л.Лоннбум. С детских лет его главными спутниками были книги и собственные фантазии. В 1896 году выпустил два сборника стихов. Постоянный автор газеты «Хельсингин Саномат», где печатал статьи по проблемам культуры. Поэтическое вдохновение черпал в эпосе «Калевала». С 1906 года работал в прозе и переводил на финский язык «Божественную комедию» Данте. Его друг поэт Бертель Грипенберг считал Эйно Лейно гением финской литературы.

Элиэль Сааринен – Eliel Saarinen (1873–1950), всемирно известный архитектор и дизайнер. Основоположник «северного модерна» в финской архитектуре. Здания, построенные по его проектам, украшают города Финляндии, Эстонии и США. Наиболее известной его работой является – железнодорожный вокзал в Хельсинки. В 1923 году эмигрировал в США. Возглавил Академию искусств Кранбрук в штате Мичиган. Считается, что творчество Сааринена повлияло на вид американских небоскребов 1920-х годов.

Аксели Галлен-Каллела – Akseli Gallen-Kallela (1865–1931), художник, чьи иллюстрации к «Калевале», принесли ему наибольшую известность. Переделал свою шведскую фамилию Гал-

лен на финский лад Каллела и соединил их вместе. Его картины отличаются точным реалистическим изображением финской народной жизни и природы. В 1918 году принял участие в гражданской войне в Финляндии. Служил адъютантом у генерала К.Г. Маннергейма и получил почетное звание профессора. По просьбе генерала занимался разработкой государственных символов новой Республики – герба, флага и орденов «Белой Розы» и «Креста Свободы». Принял участие в разработке военной униформы.

Карл Густав Маннергейм барон – C.G. Mannerheim (1867–1951), известный военачальник и общественный деятель. В вооруженных силах Российской Империи дослужился до звания генерал-лейтенанта. Был награжден практически всеми боевыми наградами Империи. Известен своими научными трудами, где нашли отражение материалы, собранные им во время Азиатских экспедиций 1906–1908 годов по заданию Генерального Штаба Империи на Восток – в Монголию и Китай. С января 1918 года главнокомандующий финской армией. Благодаря его решительным действиям во время гражданской войны Финляндия осталась независимой буржуазной республикой. За свои заслуги перед страной получил звание маршала в 1933 году. Победив на выборах 1944 года, стал шестым Президентом Финляндии. В связи с ухудшением здоровья сложил с себя полномочия Президента в 1946 году. До конца жизни на его рабочем столе стоял фотопортрет Императора Николая II с личной подписью государя.

Виктор Мальмберг – Viktor Malmberg (1867–1936), скульптор начал свое образование в Хельсинки, продолжив его в Париже и Флоренции. Вернувшись в 1902 году в Хельсинки, стал преподавать мастерство скульптуры в нескольких учебных заведениях финской столицы.

Бертель Грипенберг барон – Berteel Gripenberg (1878–1947), поэт. Его первые поэтические сборники вышли в 1903 году. Участвовал в гражданской войне. После войны получил звание старшего лейтенанта. Его патриотические стихи восхваляли «Белое движение». Печатался в газетах и журналах правой ориентации. Во время Второй мировой войны барон Гриппенберг выступал за сближение с Германией и против сепаратного мира. Кроме поэзии прославился как переводчик.

И.Е. Репин стоит, опираясь на трость, в центре картины.

На стене висит портрет избранного осенью 1919 года первого Президента Финляндии **К. Ю. Столберга** кисти художника В.Топпелиуса, присутствовавшего на ужине.

Каарло Юхо Столберг – Kaarlo Juho Stohlberg (1865–1952), первый Президент независимой Финляндии. Юрист. В 1917 году стал Председателем Конституционного Совета, который разрабатывал модель будущего устройства Финляндии. Поддерживал идею введения в стране республиканской формы правления. На выборах Президента страны в 1919 году победил К.Г. Маннергейма. Содействовал формированию буржуазной Республики. Помиловал большинство участников революционного движения. В 1925 отказался от переизбрания на пост Президента на второй срок.

В разные годы Почтовое ведомство Финляндии выпускало мемориальные почтовые марки, на которых были воспроизведены, как наиболее известные работы некоторых из участников банкета, так и их портреты. Надо заметить, что многие из присутствовавших на чествовании Репина были связаны родственными отношениями.

19 мая 1927 года Репин писал П.И.Нерадовскому, что «картина все еще не окончена, и я над ней все еще работаю. Буду очень счастлив, если мне удастся довести картину до желанного конца. Картину можно видеть в моей мастерской *по средам*. Картина не имеет никакой идейной подкладки. Художник желал изобразить этот незабвенный для него вечер, где и он говорил с их разрешения *по-русски*. Он там был и желал только по возможности, изобразить *как было*. Но картина еще далеко не кончена, и над ней еще много работы. Лица в картине: архитектор Сарринен, живописец Аксель Галлен, музыкант Сибелиус, профес. Кайянус, Ярнфельд, профес.-пейзажист Галлонен [...] и еще многие, кого я сейчас не припомню».²⁹

Вероятно, то, что Репину разрешили говорить по-русски, особенно тронуло художника, если судить по сообщению в этом письме. Хотя особо странного, в этом ничего не было, надо полагать, что все присутствующие на банкете в той или иной мере знали государственный язык бывшей Империи во всяком случае наверняка его понимали, тем более, что все они относились к самым образованным и просвещенным слоям общества.

Еще надо обратить внимание на то, что Репин в письме особо подчеркнул, что полотно свободно от какого-либо идеологического смысла. Несмотря на это утверждение мастера, это необычное полотно, правдиво запечатлевшее незаурядных людей Финляндии первой четверти XX века, в СССР не то чтобы совсем замалчивалось, но ему не давалась адекватная оценка. О картине писали вскользь, как о явной неудаче автора, так как некоторые ее персонажи по разным причинам не устраивали советских идеологов. Достаточно внимательно познакомиться со списком участников банкета и краткими сведениями о них, как сразу становятся понятны эти причины.

«Желание изобразить всех знаменитых финнов, собравшихся на банкете, было одновременно и чувством благодарности Финляндии за доброжелательное отношение к художнику, и стремлением запомнить один из ярких вечеров в его жизни, но, пожалуй, самое главное, он хотел запечатлеть великий миг в истории финского искусства, так называемый “золотой век”, который, как художник интуитивно понимал, больше никогда не повторится»,³⁰ – отметила Елена Соини в своей статье о жизни Репина в Финляндии. Амбициозный проект знаменитого мастера довольно быстро воплотился в жизнь. И это несмотря на то, что художник был уже далеко не молод, да и болезни давали себя знать. О том, как шла работа, Илья Ефимович написал 29 июня 1921 года А.Ф.Кони: «... картина настолько продвинута, что частенько и финны заглядываются у меня на своих знаменитых земляков. Особенно им нравится Сааринен, знаменитый архитектор, премированный в Париже за проект вокзала в Гельсингфорсе. Маннергейм также имеет успех».³¹

К концу 1922 года картина «Финские знаменитости» была практически завершена и выставлена в Хельсинки в галерее Херхаммер в ноябре того же года на первой большой выставке-продаже репинских работ. После выставки Илья Ефимович, забрав картину обратно в «Пенаты», неоднократно вновь обращался к ней вплоть до 1927 года, пытаясь довести до совершенства, многое в ней изменив. Как свидетельствуют многочисленные фотографии мастерской И.Е. Репина в «Пенатах», картина находилась там все последние годы жизни художника.

Советский художник Евгений Кацман, посетивший Репина в 1926 году в составе делегации, видел картину «Финские зна-

менитости» в мастерской художника. В своих воспоминаниях о днях, проведенных в «Пенатах», он привел слова Репина: «Картина была закончена, выставлял я ее на выставку, теперь переделываю. Я ведь не всегда делаю эскизы, компоную прямо картину и без конца переделываю».³²

Как указал Тимо Хууско: «В своем завещании, подписанном 20 августа 1927 г., художник отказал картину финскому правительству с условием, что оно позволит похоронить его дома, на территории “Пенатов” в Куоккала. В завещании художник также отмечает незавершенность картины».³³

Описывая картину в выставочном каталоге, Тимо Хууско утверждал, что на конечном варианте «Финских знаменитостей», который попал в Атенеум, «не все изображенные на полотне люди присутствовали на торжественном ужине, и в то же время, некоторые художники, присутствовавшие на мероприятии, на полотне отсутствуют. Известно также, что сначала на полотне были представлены люди, которых художник позднее записал».³⁴ К сожалению, финский исследователь в своем описании не приводит никаких имен, как тех кого Репин записал, так и тех, кто попал на картину, но не был на торжестве.

Как это ни прискорбно, нужно констатировать, что картина «Финские знаменитости» была недооценена современниками. Один из первых исследователей творчества И.Е. Репина И.Э. Грабарь не оценил ее по достоинству. Он писал в своей монографии, вышедшей из печати в 1933 году: «Картина ввиду ее явной неудачи, не была даже приобретена для Гельсингфоргского музея и осталась до сих пор в “Пенатах”, в качестве свидетеля последнего увядания великого некогда мастера».³⁵ Это мнение Грабаря преобладало в искусствоведении до недавнего времени. Впрочем, так же к картине отнеслись и финны-искусствоведы той поры, которые, получив полотно в подарок от автора, не поместили его в основную экспозицию музея, а повесили в кафе Атенеума.

Объясняя и в какой-то мере оправдывая финских музейщиков, Е. Сойни дала следующее остроумное тому толкование: «На картине изображен пир, что, вероятно, побудило работников музея повесить ее туда, где пируют».³⁶ В настоящее время картина «Финские знаменитости» убрана в фонды музея и экспонируется только на различных выставках, как в самой стране, так и за ее пределами.

Надо заметить, что сейчас происходит переоценка всего творчества И.Е. Репина после 1917 года, в том числе и «Финских знаменитостей». Только в последние годы в специальной литературе появилось адекватное понимание значимости этого удивительного полотна, как для живописи, так и для истории. Простые же финны даже к незавершенной работе Репина сразу проявили большой интерес, о чем художник неоднократно сообщал своим корреспондентам. При этом можно сослаться на Е. Сойни, которая писала, что «картина эта уникальна, только Репину пришло в голову написать всю элиту Финляндии за одним столом».³⁷

В заключение необходимо отметить, что картина «Финские знаменитости», хотя и осталась не завершенной, тем не менее, дорога всем знающим и любящим творчество И.Е. Репина, как в России, так и в других странах. Став определенной вехой в творческом наследии художника в последние годы жизни, она лишний раз подчеркивает взаимодействие культур России и Финляндии. В современном мире эта написанная почти сто лет назад картина благодаря своей уникальности служит развитию взаимопонимания и добрососедских отношений между двумя соседними странами.

Примечания

1. ХуускоТимо. Произведения Ильи Репина в Художественном музее Атенеум. Каталог выставки «Репин» в Кадриоргском художественном музее. Таллинн. Эстония. 2013. С. 74–75.
2. НБА РАХ Ф. 25. Оп. 2. Ед.хр. 99.Л.6.
3. Хятэнен Хелена. Источники Центрального архива изобразительного искусства о жизни и творчестве Ильи Репина. Каталог выставки «Репин» в Кадриоргском художественном музее. Таллинн. Эстония. 2013, с. 102.
4. Грабарь И.Э. Репин. ИЗОГИЗ. М., 1937, с.89.
5. Репин И.Е. Избранные письма в двух томах 1867-1930. Искусство, М., 1969, т. 2, сс.335-336.
6. Репин И.Е. Избранные письма в двух томах 1867-1930. Искусство, М., 1969, т. 2, с.345.
7. Репин И.Е. Письма к художникам и художественным деятелям. Искусство, М. 1952, сс.229-230.
8. Хятэнен Хелена. Источники Центрального архива изобразительного искусства о жизни и творчестве Ильи Репина. Каталог вы-

ставки «Репин» в Кадриоргском художественном музее. Таллинн. Эстония. 2013, с. 102.

9. Балашов Е.А. Шюцкор. Феномен финского патриотизма. Карелико. СПб, 2012, с.138.

10. РГАЛИ, ф.790, оп.1, ед.хр.2, л.21, 21 об.

11. НБА РАХ, ф.25, оп.2, ед.хр.423, л.4,5.

12. НБА РАХ, ф.25, оп.2, ед.хр.10, л.1.

13. Журнал «Новый мир», №9 за 1969 г., с.194.

14. Бородина Т.П. И.Е. Репин в Финляндской прессе 1918–1930. В сборнике, «В Пенатах было наше счастье». Художественный музей Южной Карелии, Сайменский Университет прикладных наук. Финляндия. 2009. С.86.

15. Репин Илья, Чуковский Корней. Переписка. Новое литературное обозрение. М. 2006. С.230.

16. Хууско Тимо. Произведения Ильи Репина в Художественном музее Атенеум. Каталог выставки «Репин». Кадриоргский художественный музей. Таллинн. 2013, с.76.

17. Сойни Е. Илья Репин в Финляндии. В сборнике «В Пенатах было наше счастье». Художественный музей Южной Карелии, Сайменский Университет прикладных наук. Финляндия. 2009, с.127.

18. Репин И.Е. Избранные письма в 2-х томах. 1867-1930. М., Искусство. 1969, с.331.

19. ХуускоТимо. Произведения Ильи Репина в Художественном музее Атенеум. Каталог выставки «Репин». Кадриоргский художественный музей. Таллинн. 2013, сс.75,76.

20. Шувалова Ирина. Произведения И.Е.Репина в собрании Русского музея (Санкт-Петербург). В сборнике, «В Пенатах было наше счастье». Художественный музей Южной Карелии, Сайменский Университет прикладных наук. Финляндия. 2009, с.52.

21. Грабарь И.Э. Репин. ИЗОГИЗ. М., 1937, с.222, с.224.

22. НБА РАХ, ф.25, оп.2, ед.хр.99, л.15.

23. Репин И.Е. Письма к художникам и художественным деятелям. Искусство, М. 1952, с.224.

24. Грабарь И.Э. Репин. Журнально-газетное объединение. М., 1933, с.237.

25. Грабарь И.Э. Репин. Журнально-газетное объединение. М., 1933, с.237.

26. Репин Илья, Чуковский Корней. Переписка 1906–1929. Новое литературное обозрение. М., 2006, с.134.

27. Сойни Елена. Илья Репин в Финляндии. В сборнике, «В Пенатах было наше счастье». Художественный музей Южной Карелии, Сай-

менский Университет прикладных наук. Финляндия. 2009, сс.124-127.

28. Репин И.Е. Избранные письма в двух томах 1867-1930. Искусство, М., 1969, т. 2, сс.370, 371.

29. Репин И.Е. Письма к художникам и художественным деятелям. Искусство, М. 1952, сс.267-268.

30. Сойни Елена. Илья Репин в Финляндии. В сборнике, «В Пенатах было наше счастье». Художественный музей Южной Карелии, Сайменский Университет прикладных наук. Финляндия. 2009, с.126.

31. Грабарь И.Э. Репин. Журнально-газетное объединение. М., 1933, с.237.

32. Кацман Е.А. Поездка к Репину в 1926 году. Репин, Художественное наследство. М.-Л., 1949, т.2, с.312.

33. Хууско Тимо. Произведения Ильи Репина в Художественном музее Атенеум. Каталог выставки «Репин». Кадриоргский художественный музей. Таллинн. 2013, с.76.

34. ХуускоТимо. Произведения Ильи Репина в Художественном музее Атенеум. Каталог выставки «Репин». Кадриоргский художественный музей. Таллинн. 2013, с.158-159.

35. Грабарь И.Э. Репин. Журнально-газетное объединение. М., 1933, с.237.

36. Сойни Елена. Илья Репин в Финляндии. В сборнике, «В Пенатах было наше счастье». Художественный музей Южной Карелии, Сайменский Университет прикладных наук. Финляндия. 2009, с.128.

37. Сойни Елена. Илья Репин в Финляндии. В сборнике, «В Пенатах было наше счастье». Художественный музей Южной Карелии, Сайменский Университет прикладных наук. Финляндия. 2009, с.127.

ООО «Издательско-Торговый Дом «ОСТРОВ»
Выпускает литературу по истории
Ленинградской области и фортификации

Готовятся к печати:
Александр Боев. Прогулки по Мустамякам

В.Ф. Ткаченко. Форт «Тотлебен»

Выборгский район Ленинградской области. Выпуск 2

Вопросы истории фортификации № 4

Цитадель № 21

Книги нашего издательства, а также издательства «Гйоль»
можно приобрести на презентациях, которые мы
проводим в Филиале № 3 библиотеки им. Маяковского
по адресу *Невский пр., д. № 20.*

Каждую третью среду каждого месяца мы приглашаем
всех желающих на встречу с издателями
и нашими авторами.

Очередная презентация состоится 20 ноября 2013 года.
Мы представим сборник «Курортный район.
Страницы истории». Выпуск 8 и небольшой альбом
«Аэрофотосъемка фортов Кронштадта. 1940 год».

Начало в 17.00

Вход свободный

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гараева Р.Н.</i> Здравствуй, утро!.....	3
<i>Лозовская В.И.</i> Жизнь в пограничье.....	9
<i>Чудновская И.И.</i> Воспоминания о нашей семье.....	27
<i>Александрова И.М.</i> Дачный Разлив.....	39
<i>Пепеляева Э.Е.</i> О семье Лесиковых.....	71
<i>Дашкевич Т.А.</i> Купеческий род Калачевых и их потомки.....	77
<i>Балащенко Ю.Д.</i> Музей-усадьба И.Е. Репина «Пенаты».....	87

КУРОРТНЫЙ РАЙОН

Страницы истории

Выпуск 8

ООО «Издательско-Торговый Дом «ОСТРОВ»

Составители *Р.Н. Гараева, Л.И. Амирханов*

Редактор *Л.И. Амирханов*

Корректор *Н.Н. Никифорова*

Дизайн, вёрстка *Е. Фортиной*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная 800 экз.

Отпечатано в типографии

«Издательско-полиграфического комплекса «Гангут»

Санкт-Петербург, Большая Монетная, 16.

Тел. 325-28-21

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

ГРАМОТА

Тов. КУТНЕВОЙ Вере Ивановне

за самоотверженную работу по заготовке дров для гор. Ленинграда и частей Красной Армии в 1942 году Исполком Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся награждает вас настоящей грамотой.

Председатель Исполкома
Ленинградского Областного Совета
депутатов трудящихся

И. Славский

Секретарь Исполкома
Ленинградского Областного Совета
депутатов трудящихся

М. Великий

18 января 1943 г.

№ 80

И. Е. Репин. Финские знаменитости